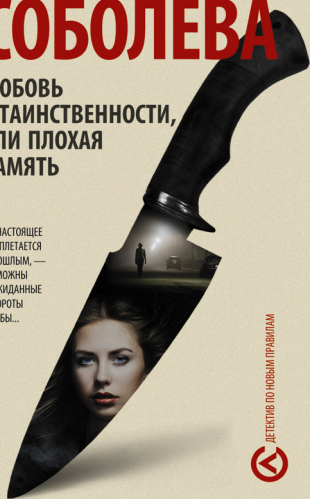

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЛЮБОВЬ
К ТАИНСТВЕННОСТИ,
ИЛИ ПЛОХАЯ
ПАМЯТЬ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Любовь к таинственности, или Плохая память
Серия «Детектив по новым правилам (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11999645
Соболева, Лариса. Любовь к таинственности, или Плохая память : [роман] : Издательство АСТ;
Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087815-4

Аннотация

Тележурналистке Зое Кириловой заказали документальный фильм о событиях пятидесятилетней давности. Заказчик тщательно сохраняет инкогнито, отстегивая баснословные суммы на текущие расходы и предоставляя источники информации. Сценарий основан на рассказах людей, пострадавших в той криминальной истории. Правдами и неправдами Зоя берет у них интервью, и уже первая серия становится сенсацией. Сразу после премьеры на журналистку обрушивается лавина угроз и преследований. Девушка в ярости: пока таинственный заказчик тешит самолюбие, она вынуждена дрожать от страха. И вместе с тем Зое интересно, чем закончится та история, что началась с убийства накануне войны...

Ранее книга издавалась под названием «Нимб над Мефистофелем»

Содержание

1	5
2	12
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лариса Соболева

Любовь к таинственности, или Плохая память

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Опоздала... Ой, ой, ой! Еще в лифте сняла полушубок (вообще-то, ему пора валяться на полу в прихожей вместо коврика), выходя из лифта, потеряла перчатки и вернулась за ними; размотав шарф, не заметила, что он волочится по полу... В общем, утро началось в обычном режиме гонки. Главное – делать вид, что не опоздала, а задержалась по неотложным делам. Правда, обычно задерживаются начальники, но никак не рядовые пчелки.

– Зойка! – взвизгнула редактор новостей (хорошенькая и глупенькая), высунув голову в дверную щель. – Где тебя носит?

– По библиотекам, – нагло солгала Зоя. – Материал собираю для фильма...

– К черту твои filmy! – зашипела Валентина Павловна. – Кому они нужны? Срочно в студию! Поработаешь говорящей головой в кадре.

– Светик мой, – сдержанно процедила Зоя, хотя так и хотелось ударить по двери или, еще лучше – прямо по беленькой головке редакторши, – я ведь не диктор...

– Динка заболела, больше некому, через пять минут эфир, – уже рычала та, как собака на цепи.

Зоя не стала пререкаться. Она не любит сидеть в кадре, но именно ей приходится замещать больных и убогих или срочно уволившихся дикторш. Вот и сейчас влетела в студию, плюхнулась на место за столом, вытрясла из сумки содержимое, нашла косметичку и торопливо, кое-как стала рисовать лицо.

– Осталось три минуты, – нависла над ней Валентина Павловна, потрясая текстом, который должна выговорить Зоя.

– Пусть заставку поддержат пару минут, – невозмутимо сказала она, автоматически нанося макияж.

Валентина Павловна младше на три года, но ее приказано величать по имени-отчеству, потому что она мужняя жена, а муж у них-с не кто-нибудь – директор частного канала. Короче, она здесь главная. Нервозную обстановку Валенька создает на пустом месте ежедневно, реагировать на ее хамство и выпады – никакого здоровья не хватит, посему Зоя избрала тактику пофигистики. Но это до поры до времени, пока не выгонят, а что потом будет делать Зоя в данном городе, где только на единственном канале (а их почему-то четыре!) держат авторский отдел, – неизвестно.

– Девочки, пошел поцелуй в диафрагму, – сообщил оператор.

«Поцелуем в диафрагму» телевизионщики окрестили сладкие финалы американских фильмов. Это означало, что сейчас начнется заставка, а Зоя еще не накрасила губы и не расчесалась – парикмахеры да гримеры на студии не предусмотрены, слишком большая роскошь. Кстати, «привилегия» начинать эфир вовремя только у Зои, остальным разрешено задерживать программы. Они, остальные, могут даже нечаянно забывать включить фильм, а потом – когда заканчивается отведенное на него время – выключить, не показав зрителям долгожданный «поцелуй в диафрагму». И, между прочим, за экстренную помощь Зое забывают выплатить премиальные.

– Начинаем, – объявил оператор.

Зоя смахнула со стола все, что на нем лежало, на пол, перед ней упал текст, который она взяла в руки, и уткнула глаза в печатные буквы. Через несколько секунд улыбнулась в камеру:

– Доброе утро, в эфире телекомпания Шестой канал...

После эфира Зоя дымила в курилке, приводя нервы в порядок, – пару раз оговорила, за что получила выговор от Валеньки, которая сама сядет в кадр только в одном случае: когда

вызубрит текст наизусть. Она-то обожает торчать на экране, да только главный редактор ее туда не пускает. Зоя не заметила, как в курилке появился Смехов – удивительно нерадостный тип, безмерно важный. Это у него способ оградить себя от амикошонства молодняка и наездов начальства, к такому типу не пристают почем зря. Зоя пыталась брать с него пример, но... не дано.

– Что читаешь? – спросил он, закуривая.

– Как думаешь, подобное можно произносить без запритыка? «Вчера возложили венки в честь траура и скорби...» Нет, каково, а? В честь траура и скорби! Слушай дальше: «Мы будем возлагать цветы куда *только можно*, а вы должны всех *возбуждать* на эту работу».

– И кто приказывает возбуждать?

– Ай, да перлы местной власти... – опустив текст, покривилась Зоя. – Понимаешь, у меня идиотская привычка в смысл вчитываться, а вчитываясь, я сатанею от нелепицы и спотыкаюсь на словах.

– Это еще ладно... Ты сидела на эфире и не слышала, что наш зам мэра выдал в интервью. Цитирую: «Надо все дома покрасить в трехфаллосный цвет». – Зоя закатилась от хохота. – Наверное, зам мэра хотел сказать в триколор, но его фаллос, очевидно, в тот момент находился в актуальном состоянии. А наши пропустили фразочку. Ой, что будет...

– Не слышала, иначе скончалась бы на месте. Слава богу, я читала следующую подводку к новостям. Хотя какие у нас новости? Откуда? Ни одного острого репортажа нельзя сделать, потому что любая критика будет выпадом против администрации города.

– Тебя это заботит?

– Конечно. Не век же я буду торчать тут, мои профессиональные качества просто тают на почве «все хорошо, прекрасная маркиза». При первом же удобном случае уеду.

– У тебя никогда не будет такого случая, – «обнадежил» Смехов. – Мы все обречены прозябать в провинции и кланяться в пояс барам. Кстати, тебя искала Жертва Каракурта.

Так за глаза называют бывшую жену директора. Он с ней давно развелся, но предоставил работу на своем канале. «Доброта» из дамочки тоже льется водопадом, как из Валентины, только в десять раз мощнее, за что и получила злую кличку. Зоя давно пришла к выводу: женщины-начальницы – настоящие исчадия ада.

– Ей-то что от меня нужно? – озадачилась она. – У меня монтаж. И так чертовы новости забрали время, теперь, боюсь, не успею.

– Что ваяешь?

– Заказуху. Фильм о гуманных акциях отдела администрации по борьбе с молодежью.

– Ты договоришься...

– А что я не так сказала? – вскинула брови Зоя.

– Отдел по делам молодежи, а не по борьбе с молодежью.

– Точно, договорюсь. Пока.

В коридоре ее перехватила Жертва Каракурта – координатор. Что координирует бывшая жена – одному шефу известно, но она очень деятельная натура, эдакий гибрид перпетуум-мобиле с иерихонской трубой. Что можно сказать о ней еще? Внешне – Савелий Крамаров в женском варианте. Пожалуй, все.

– Зоя, я уже собралась в розыск подавать! – завизжала Жертва Каракурта. – Живо к директору!

– Зачем? – притормозила Зоя.

– Что за вопросы? Он требует тебя!

Смехов, проходя мимо, шепнул:

– Учти, он не в духе. Сегодня день зарплаты.

Деньги отдавать шеф страсть как не любит. По ведомости все получают копейки, за которые даже бомж работать не станет, а «добавку» в конвертах он выдает лично и притом едва не рыдает.

– Я к директору, – сказала Зоя секретарше, еще одной жабе в кедах. Вообще-то, она кеды не носит, на работе переобувается в тапочки по причине ревматизма. Однако почтенный возраст и ревматизм ей не мешают быть редкой стервой.

– Подожди, сейчас узнаю, примет ли он тебя.

– Вроде бы очереди к нему нет, – съязвила Зоя. Ну все! День пошел наперекосяк, язык тоже.

– Подожди, – величественно процедила секретарша, скрываясь в кабинете. Вышла сразу же: – Заходи, Вадим Рудольфович ждет.

Тот был не один, а в компании с главным редактором. Эти господа не какие-нибудь там бесправные наймиты, держат в кармане по десять процентов акций канала, а посему прибрали руководство к рукам. Остальная часть акций принадлежит местному магнату, которому на дела канала плевать, нужен он ему только в момент выборов. Оба начальника явно сейчас чем-то озабочены, но, судя по всему, не сексуально, хотя обоим по сорок пять. К счастью, ни один из них не приставал к Зое, это еще одна причина, по которой она все еще остается здесь. Важность Смехова меркнет перед директорской важностью, которой тот заполнен, как бочка дегтем. Собственно, его компания на первом месте в городе, есть повод изображать из себя эпохальную личность. Кстати, несмотря на патологическую жадность, он содержит неприбыльный авторский отдел, в котором работает Зоя, и спасибо ему, благодетелю, что есть работа. Остается добавить, что имидж каналу создает как раз авторский отдел, но об этом ни словом не упоминается никогда.

Вадим Рудольфович с величавостью партийного босса достал конверт и без сожаления (вот ведь странно!) отдал его Зое:

– Твоя зарплата. Садись.

Речь его медлительно-многозначительная, почти как тост-притча. Но не из-за денег же он потребовал к себе Зою... Обычно за деньгами все бегает сами, а он, наоборот, убегает. Она присела на стул и предпочла не задавать вопросов. Продолжил главный редактор (внешне – копия Муссолини):

– У нас заказ, Зоя. Тебе предстоит срочно взяться за работу.

– Срочно? А как же фильм для отдела по борьбе с молодежью?

Ну вот, опять оговорилась. К счастью, начальники не обратили внимания, а то бы последовала лекция на тему: «Как можно! Из-за таких, как ты, нас и долбят...» – ну, и тому подобное.

– Доделают без тебя, – сказал Вадим Рудольфович, (по прозвищу – Главнюк).

– О чем должен быть фильм? – решила не спорить Зоя, так как ей самой не в кайф было заниматься мурой про дела молодежи, не стоящей затрат времени. Возможно, хоть новая работа будет интересной.

– Пока не знаем.

У Зои вытянулось лицо, брови поехали вверх. Надо сделать фильм, но о чем – неизвестно. Это как? Осталось выслушать до конца, чем еще обрадуют.

– Видишь ли, – вступил Вадим Рудольфович (во время его тоста-притчи и заснуть недолго!), – мне позвонил заказчик, предложил полмиллиона рублей за изготовление фильма. Но с условием, что делать его будешь ты, он видел твои работы.

За какой-то фильм – наверняка нужна скрытая реклама – полмиллиона? Весьма большие деньги для скромной провинциальной компании. Однако пора что-нибудь сказать, Зоина удивленная пауза чересчур затянулась...

– И все? А тема? – спросила она.

– Он ничего не сказал. Только поинтересовался, как мы берем деньги, и согласился отдать наличкой.

Разумеется, наличка жарче греет руки, чем перечисление, часть которого придется кинуть на налоги, а наличку можно всю прикарманить. Что трогательно – шеф не скрыл от Зои данный факт. Получается – доверяет.

– А как мне делать фильм, не зная, про что его делать? – не выдержала и прервала очередную, теперь многозначительную начальственную паузу Зоя. Она занервничала, подумав про себя: неплохо бы из суммы в полмиллиона отхватить хоть одну миллионную часть.

– Он созвонится с тобой, – сказал Вадим Рудольфович – Я дал ему твои телефоны. К работе приступишь, когда он отдаст нам хотя бы аванс.

– Ладно, посмотрим.

– Зоя, смотреть не надо! – заявил Главнюк. – Надо делать!

– Понятно, – встала она и... набралась наглости: – А мне не полагается процент?

– Зоя... – исторг директор предсмертный стон. – Зоя, ты получишь премиальные!

Вот козел. Нет, а кто он еще после этого? Зоя должна заработать ему полмиллиона, а ей полагаются всего-то премиальные, которые наверняка будут размером с пенсию дворника. А все потому, что знает, змей: эквивалентной работы она в городе не найдет, вот и пользуется своим правом сюзерена.

– Тогда я пока пойду и займусь монтажом, – вздохнула Зоя.

Хотелось добавить: «Чтобы вы не попрекали меня, будто получаю зарплату за здорово живешь». Не добавила.

Зоя – личность незаурядная. Но в провинции любят ровное поголовье, и если ты случайно высываешься, за незаурядность нещадно бьют по шапке. Зоя не прикипела к газетам, которые безумно скучны в данном регионе, а на телевидение попала случайно, после второго развода, когда приехала к маме. Мама разменяла квартиру, дочери отдала однокомнатную, себе оставила двухкомнатную. Зоина дочка живет у мамы – с ней веселей на пенсии сидеть, к тому же мама надеется, что дочь устроит личную жизнь. А та не сказала: у меня прививка от замужества – два брака, хватит экспериментов над собственным здоровьем. Благодаря маме Зоя имеет свободу и возможность заниматься любимым делом, а не порхать вокруг дивана с лежащим на нем мужем.

Тридцать один год – вовсе не возраст для табу на все прелести жизни для современной женщины, но Зоя предпочитает обходиться без них, без прелестей. Друга нет, хотя она, как говорят злые языки, – ничего себе внешне. «Ничего себе» – это серые глаза, соболи брови, маленький носик, сексуальный ротик. Завершают образ густые прямые волосы до лопаток орехового цвета (цвет изредка меняется, когда хочется перемен). А фигура – остоленеть. Во всяком случае, признаков заболевания дистрофией нет, а есть все – ноги, талия, попка и грудь не минус два. Так вот, о друзьях. Те, кто набивался в «друзья», быстро откалывались, так как Зоя ненавязчиво давала понять, что постель у нее предназначена исключительно для сна. А если честно – претенденты ее не устраивали. Конечно, требования у нее несколько завышены, но тут уж ничего не попишешь. Зоя еще та штучка, с некоторыми вывертами, однако два бракованных брака принесли ей далеко не сладкие плоды. В довершение молодой женщине почему-то не везло на подруг – те попадались в двадцать раз богаче, но по непонятным причинам именно они завидовали Зое.

Дома она бросила в кастрюлю пельмени, купленные по дороге, и, пока они варились, позвонила маме. Там все в порядке. Ну и отлично. У Зои сейчас имелась халтурка – следовало дописать контрольную работу для одного олуха, отпрыска зажиточных родителей. Это дополнительные деньги, а дочери Зои нужна весенняя одежда. И лучше не думать, что за

специалист выйдет из олуха. А вообще-то самой ей так хочется взяться за написание, например, романа... Только какие темы сейчас будут интересны и для кого сочинять роман?

Зоя поела пельмени в сметане, сидя перед компьютером и перечитывая контрольную. Прошлый раз мамочка олуха заявила, что она слишком хорошо написана, чересчур складно, поэтому сейчас Зоя тщательно вставляла нескладности, чтобы приблизить стиль работы к его недоразвитым мозгам. Раздался телефонный звонок, и она сняла трубку.

– Вы Зоя Артемовна? – спросил бархатный мужской голос. В такие голоса влюбляются заочно.

– Кажется, я. – Родное отчество Зое было слышать непривычно, на телестудии все обращаются друг к другу по именам, за редким исключением. – Простите, с кем имею честь разговаривать?

– Вас уведомили, что вы будете делать фильм по моему заказу?

– Да, – Зоя тут же потеряла интерес к компьютеру и к контрольной олуха. Правда, фраза собеседника резанула ухо, прозвучала приказом. Впрочем, а куда Зоя денется... – О чем должен быть фильм?

– Вы занимаетесь неординарными людьми, о них и пойдет речь. Мне известно, что ваши работы отмечали на фестивалях и форумах, так что, думаю, у вас получится интересно. Это должен быть профессиональный фильм, беспристрастный, а не тот ширпотреб, которым напичкано ваше телевидение. Но прежде вы должны провести... журналистское расследование. То есть выяснить подробности и честно отобразить их в фильме.

Зоя насторожилась. Она-то ожидала, что новая работа будет очередной заказухой с рекламой а-ля «Наша продукция лучшая в мире, покупайте только ее». На самом же деле «лучшая продукция» окажется, скажем, теми же суррогатными пельменями, которые слиплись сейчас в ее тарелке. Но за рекламу пельменей столько не платят! За чужую неординарность тоже. Что-то здесь не то...

– Алло, вы меня слушаете? – спросил обладатель бархатного голоса.

– Да, конечно. Кто же станет героем фильма?

– О, не все сразу! Первое. Я в курсе, что ваш директор неохотно платит своим сотрудникам, а лучший стимул – материальная заинтересованность. Поэтому я поставил ему условие: из той суммы, что заплачу я, он выдаст вам за изготовление фильма пятьдесят тысяч рублей.

– Неплохо, – нечаянно вырвалось у Зои. Она тут же простила собеседнику его покровительственный тон.

– Но это не все. Если вы все сделаете удачно, то дополнительно получите пять тысяч долларов. Устраивает?

– Э... ммм... Да! – сначала обомлела от неожиданности, а затем ожила Зоя. Да за такие деньги она согласна фуэте покрутить на пуантах!

– Теперь о фильме, – заговорил заказчик размеренным голосом деловых людей. – Это будет поступательная история из нескольких небольших сюжетов. Для того, чтобы сделать первый сюжет... У вас есть загранпаспорт?

– Нет.

– Тогда для начала приобретите паспорт. До свидания.

Зоя послушала гудки в полнейшем недоумении, положила трубку.

– Мда... начало многообещающее.

Несколько раз она принималась править контрольную, но ловила себя на том, что думает о заказчике. Конечно, у каждого есть свой бзик. Случается, бзик выходит за границы адекватности, и тогда по человеку дурдом плачет. У звонившего господина явно проблемы с крышей, но он, кажется, о них не догадывается. В задрипанном, жутко скучном и сонном городе ни одному крестину не придет в голову платить бешеные деньги за какой-то там фильм

(к тому же не рекламный), который сляпают на дерьмовой аппаратуре. Но раз он все-таки платит, значит, это ему для чего-то нужно. Зоя не слишком верит в альтруизм вообще, и потому не верилось и в то, что господина с приличными «бабками» будто бы волнует чья-то неординарность.

Если задаться вопросом – кому нужны Зоины телерепортажи, облаченные в фантик документального кино, то честный ответ у нее один: лично ей. Для Зои они – способ реализации, самоутверждения и... самообмана: мол, твоя работа страшно нужна не то что данному городу, но и всему человечеству. Они – вроде как ее норка, изолирующая от не очень привлекательного мира. Вот кому сейчас интересен, например, некто Петров, совершивший двадцать подвигов в Корее, Вьетнаме и Африке, при том не получивший ни одной медали, потому что Советский Союз тогда «не воевал», а посему ордена давать было не за что? Ответ: очень немногие досмотрят до конца фильм о нем. Смотреть его будут разве что пенсионеры, а для молодежи он не станет поучительным просто потому, что молодежь такое не смотрит. Так зачем господину Икс нужен фильм о чьей-то неординарности? И кто должен стать героем сюжета?

Зоя успела-таки смонтировать заказуху. Потом с невероятными трудностями сдала ее заказчикам, которые искали блох в работе. И нашли! Она, видите ли, не отобразила в полной мере титанические усилия, проявленные отделом в воспитании молодого поколения. Хм, ну что тут возразить? Посмотришь на сытые физиономии заказчиков, и никакого воображения не хватит, чтобы представить их за титаническим трудом!

Однако Зоя (именно она, а не те, кому положено) сумела выдрать деньги за проделанную работу, так как платить администрация тоже ох как не любит. И еще успела получить загранпаспорт, гадая, куда ее пошлет господин Икс. Надеялась только, что не в зону боевых действий, не к Бен Ладену на вечерний чай. Но дальнейшего руководства к действиям не поступало, и Зоя уже пожалела потраченных на оформление паспорта денег, в уме покрывая господина Икс неласковыми словами. Теперь она выполняла новый заказ Пенсионного фонда со старой темой – вроде бы без его сотрудников пенсионеры погибли бы все до одного. Главное, эту дребедень покажут пару раз на канале. Смотреть ее вообще никто не станет, делается она для отчетов перед вышестоящим начальством, а потому было жутко неинтересно работать.

– Здравствуйте, Зоя Артемовна. – Он позвонил, когда она не ждала, только-только вылезла из ванной, была уставшая как собака. – Сделали паспорт?

– Сделала.

– Вы едете в Финляндию.

Что ж, прогулка светит офигенная, но...

– Простите, а за чей счет я поеду?

– Сейчас к вам приедет человек от меня, привезет деньги и адрес того, с кем вам предстоит встретиться. Вы должны заставить его рассказать о мачехе. Запомните: мачеха. Он поймет, о ком.

– Погодите, господин... не знаю, как вас зовут...

– Это неважно.

– Хорошо, пусть неважно. Но мне же делать фильм, нужно собрать материалы... Так?

– Совершенно верно.

– Понимаете, фильм на основе моего рассказа будет выглядеть бедно и, скорее всего, сплетней. Должен быть визуальный ряд, проще говоря, иллюстрация того, о чем идет речь. Никто не станет слушать просто рассказ по телевидению.

– Что вы хотите?

– Спросить вас: финна нужно снимать? Я имею в виду камерой снимать? – уточнила на всякий случай, а то у новых русских слово «снимать» ассоциируется с определенным видом услуг.

– Ммм... – Собеседник явно был в затруднении. – Смотрите сами. Если финн согласится, то снимите.

– Но я не умею снимать. Я журналист, а не оператор, не умею обращаться с камерой. К тому же бытовая не подойдет, нужно везти специальную. А она, знаете, сколько весит?

– Ну так возьмите с собой оператора.

– Последний вопрос. А виза? Я ни разу не ездила за границу...

– Можно через какое-нибудь туристическое агентство взять путевку. Но лучше поезжайте в Питер. Насколько я знаю, оттуда ходят автобусы в Финляндию. А если обратитесь в турфирму, вам предоставят на выбор туры от одного до трех дней без лишних хлопот. Три дня, полагаю, вам с головой хватит. Счастливого пути.

Зоя была вне себя. Что конкретно ей делать? О чем спрашивать финна? Должны же быть подводки к теме! Да и саму тему не худо бы как-то обозначить. Мачеха, видите ли... Чья мачеха? Не из сказки же! И вообще, неужели господину заказчику трудно поговорить с ней вживую? Что за скрытность?

– Так... – облокотившись на компьютерный стол, задумчиво произнесла вслух Зоя. – Клиент всегда прав, даже если у него прохудилась крыша. Он платит? Ну, тогда и все! Я выполняю. Посмотрим, куда это вывезет.

Минут через сорок в дверь позвонили. Зоя посмотрела в глазок – на лестничной клетке маячил незнакомый молодец. Она не рискнула снять цепочку, лишь приоткрыла дверь.

– Вы Зоя Артемовна Кирилова? – задал вопрос парень.

– С утра была ею.

– Это для вас. – И он протянул конверт.

Зоя хотела поблагодарить, но посыльный уже сбегал по ступенькам вниз. Она вернулась в комнату, вскрыла пакет. Баксы, пачка рублей и записка. В записке написан город, адрес, имя.

2

– Значит, в Финляндию... – промямлил Вадим Рудольфович.

У, как его жаба задавила, что не он едет! Жертва Каракурта тоже находилась в кабинете, постреливала в Зою паучьими глазенками из-за очков, свела скулы. И ее давила жаба – большая, посиневшая от злости и зависти. Не разжимая рта, она прямо-таки просвистела:

– Но ты же знаешь, Зоя, какие у нас проблемы с операторами. Их на сегодняшний день всего два. Кто на новостях будет работать?

С операторами, действительно, сложности. Вернее, не с ними, а с руководством. Едва паренек научится снимать, он увольняется, потому что за копейки, которые еще выдрать надо, никому неохота париться.

– А это не мои проблемы, – упрямылась Зоя. – Займите оператора на другом канале, мне дайте Эльзамана.

– У Эльзамана полно работы, – выплюнула возражение Жертва Каракурта. – Он единственный, кто умеет снимать.

– Поэтому он и нужен мне, – осталась в хладнокровном спокойствии Зоя. – К тому же у него есть загранпаспорт, он недавно ездил с делегацией в Германию.

– Вот именно, – фыркнула Жертва Каракурта. – Не слишком ли много поездок для сопляка, который два года работает на канале? Лично я семь лет пашу, а по заграницам не разгуливаю.

– Раз у нас нет оператора, давайте откажемся от работы.

Ага! Откажутся они! Как же, как же!

– Хорошо, Зоя, – похоронным тоном произнес Вадим Рудольфович. – Поедет Эльзаман. На сколько дней?

– Ну, дорога, дня три в Финляндии... Постараемся обернуться за неделю.

– Она сошла с ума! – взвизгнула Жертва Каракурта. – А мы что, неделю будем без оператора? Новости выходят пять раз в день!

Зоя опустила голову, скрывая улыбку, но язык не удержала:

– Наши новости на одно безликое лицо – мэр прошелся по коридору и вздохнул три раза, мэр споткнулся на выходе из лифта, мэр бегал в сортир два раза. И главная новость за год – мэр посадил дерево.

– Прекрати! – вознегодовала Жертва Каракурта. – Сама бездельница! За три месяца сделала один фильм...

– Зато мои фильмы иногда приносят прибыль, а ваши новости без новостей – самая убыточная статья, – парировала Зоя. Хотя зачем было лезть в бутылку?

– Зоя, иди, – простонал Вадим Рудольфович. – Эльзаман поедет.

Суета, связанная с поездкой, не в счет. Уже на территории Финляндии Зоя попросила Эльзамана снимать все подряд еще в автобусе.

– Какая же красота непередаваемая, – восторгалась она. – Столько снега... Обязательно пригодится! В прошлом году мне нужны были кадры заснеженных лесов, а взять было негде, у нас, как назло, зима выдалась бесснежная. Да и с лесами проблема, надо было ехать черт знает куда, а командировку не выписали.

Эльзаману двадцать два года. Это смуглый красивый паренек с потрясающе открытой белозубой улыбкой, с черными глазами и волосами. Его не нужно просить дважды, он и сам готов бегать с камерой сутками, а тут действительно заснеженное великолепие – непривычное для жителей юга.

Тем временем Зоя развернула карту и, водя по ней пальцем, бормотала:

- Мы прибудем сюда, а нам надо... вот сюда.
 - Совсем недалеко, – заглянув в карту, сказал Эльзаман. – Да тут той Финляндии... за день из конца в конец переехать можно.
 - Возможно, сегодня же и переедем. Слушай, Эльзаман... – толкнула она его локтем в бок, – а ты иностранные языки знаешь?
 - Угу. Азербайджанский.
 - Не подходит. Как же мы поймем друг друга с финном?
 - А ты разве не шпаришь по-английски? На нем все говорят. Кроме меня.
 - Боюсь, мой английский ни к черту.
 - Эх, приехать бы нам сюда в декабре... В Финляндии в это время полярная ночь, северное сияние. А знаешь, как еще называется полярная ночь? Каамос. И она вопреки разуму очень светлая.
 - Откуда знаешь?
 - В Интернете прочел.
- Тем не менее в гостиницу поселились, когда стало совсем темно. Отдохнули, а с раннего утра (было все еще темно) затеяли переезд.

Городок напоминал премилую деревеньку, где все под рукой, лад и покой. Английского Зоюхватило, чтобы кое-как изъясняться, но встречались и такие аборигены, которые неплохо говорили по-русски. В общем, типичный финский домик, какие рисуют на рождественских открытках, нашли. Нашли-то нашли, а как ненавязчиво себя преподнести? Не секрет, что журналистов с распростертыми объятиями мало кто встречает. Зоя листала словарь, подбирая слова, Эльзаман пританцовывал от холода. И тут от него поступило предложение:

- Давай посидим в кафешке, там теплее изучать английский.
- Нет, дорогой, давай уж поступимся. Выгонит, тогда пойдем в кафе.

Она подошла к домику, поискала глазами звонок, как вдруг дверь сама открылась. На пороге стоял крепкий пожилой мужчина в толстом вязаном свитере, не выказывая удивления, а с интересом рассматривая Зою и Эльзамана. Их старики и наши – это вам, как говорится, две большие разницы. Видно же, что он дядька старый, но выглядел еще бравым, при силе и в здравом уме.

– Прошу простить меня, – начала Зоя на своем чудовищном английском, – могу я видеть мистера Крамсу?

Старик широко раскрыл блекло-голубые глаза, приподнял брови.

– Ни хрена он не понял, – констатировал Эльзаман. – Может, дед в английском, примерно как я, шарит?

– Крамсу, Крамсу, – повторяла, как попугай, Зоя. – Алексис Крамсу.

– Рашн? – с подозрением спросил мужчина.

– Да, мы рашн, рашн, – обрадованно закивал Эльзаман, выглядевший, пожалуй, слишком чернявым для славянина.

Старик распахнул дверь, приглашая войти. Пахнуло теплом и хвоей, хотя до нового года далековато, чем-то домашним и уютным, как когда-то в детстве пахло в доме Зоиной бабушки. В маленькой гостиной старик жестом указал на кресла и диваны, гости расселись, он стоял и ждал.

– Мы приехали по делу, – начала Зоя и забыла следующий оборот, раскрыла словарь...

– Чай, кофе или желаете выпить что-нибудь покрепче? – спросил старик по-русски без малейшего акцента. – Алексис Крамсу – это я.

– Да? – смутилась Зоя, покосившись на Эльзамана, который пару минут назад выразился по-русски не очень культурно. – Извините... мы не знали...

– Так что будете пить?

- Я бы не отказалась от чашки кофе.
- А мне чай, если можно, – сказал Эльзаман. – Вам помочь?
- Управлюсь сам, а вы грейтесь.

Не новость, что всякий человек вносит в свою среду обитания то, что ему дорого, и по этим предметам можно довольно быстро и с определенной долей точности определить, что за субъект живет в доме. На первом месте, разумеется, фотографии. И здесь одна есть – в рамочке, пожелтевшая, издали не разглядишь, кто на ней. На втором месте различные безделушки, сувениры и всякие там дипломы в рамочках, любовно развешенные по стенам и символизирующие достижения хозяина. Однажды Зоя работала над фильмом о геологе, и его квартира, естественно, напоминала склад булыжников, причем наваленных везде в диком беспорядке. Именно по беспорядку она определила, что старый геолог непритязательный человек, до сих пор увлеченный своим делом, такие люди радушны и просты в общении. А однажды Зоя попала в дом, где мебель стояла самая необходимая, зато стены были завешены почетными грамотами – тщеславие из хозяина так и выпирало. Гостиная Крамсу была типовая, в идеальном порядке и без особенностей. Пока о нем стало известно одно: он жил в России, причем долго – иначе где научился в совершенстве говорить по-русски? Строгое лицо старика внушало опасения, что он человек замкнутый, а тема интервью для Зои вообще темный лес. Мачеха! А вдруг речь о мачехе его детей, которым она испортила жизнь? Всякое случается...

Вернулся с подносом Крамсу, раздал чашки, разлил чай и кофе, поставил бутылку коньяка на стол:

- Несколько граммов коньяка вам не помешают, взбодрят и согреют, – сказал он.

Зоя поблагодарила, сделала глоток и, чтобы наладить беседу, спросила:

- Где вы так хорошо выучились русскому?

– По случаю, – уклончиво ответил Крамсу. – Утолите мое любопытство: зачем вы приехали ко мне?

Нормальный вопрос, но Зоя впервые попала в положение, когда откровенно ответить мешает абсолютное незнание. Да, она должна взять у него интервью, а как, что говорить? О чем спрашивать? В общем, Зоя начала издали:

– Мы живем в небольшом городе, работаем на телевидении. Не так давно поступил заказ сделать фильм о... Вам покажется странным, но я до сих пор не знаю, о ком будет фильм и каким он должен быть.

- Вы снимаете художественные фильмы? – спросил Крамсу уважительно.

– Что вы! – улыбнулась Зоя. – Нашей телекомпании никогда не потянуть кино. Я делаю документальные фильмы об истории нашего города, о замечательных людях, жизнь которых настоящий подвиг...

- Ну а при чем тут я? – перебил хозяин. – Подвигов вроде бы не совершал.

– Тот человек... заказчик... он потребовал, чтобы этот фильм делала я, и сказал, что мне следует провести расследование. И дал ваш адрес...

- У меня нет родных и знакомых в России.

- Но он дал ваши координаты, по которым мы нашли вас.

- Так что же он хочет?

- Чтобы вы рассказали о мачехе, – ляпнула напрямую Зоя.

Как быстро изменилось лицо старика! Губы поджал, брови свел, голову опустил. Зоя занервничала, угадав, что тема эта неприятна. Крамсу слегка приподнял голову, поправил упавшие на лоб седые пряди и... предельно вежливо предложил покинуть его дом:

- Вы согрелись? Прошу простить, но у меня неотложные дела.

– Мы приехали издали... – робко промямлила Зоя. – Может, вы назначите нам другое время?

– Я не назначу вам другого времени, потому что у меня его не будет, – сказал Крамсу ледяным тоном и встал с кресла.

Очутившись на улице, Зоя распахнулась:

– Вот старый пень! Выставил нас! Мы что, зря сюда притащились? Как будем отчитываться? Ух! Жертва Каракурта меня проглотит.

– Куда делась твоя журналистская наглость? – подначивал Эльзаман. – Надо было буром на него, бу...

– Вот и помог бы мне буром, – огрызнулась Зоя.

– Ну и куда мы теперь?

– В гостиницу, куда ж еще. Идем.

Остаток дня Зоя провела в номере, Эльзаман бегал по городку и снимал все. Буквально все подряд. К вечеру он прибежал в ее номер с неожиданной просьбой:

– Посторожи камеру, а? Я познакомился с девчонками, мы идем в бар.

– Познакомился? А как ты с ними изъяснялся?

– Для любви довольно жестов. Тебе это неизвестно? Хочешь, научу? Но не сейчас. Пока.

Зоя осталась одна и стала придумывать, как же ей достать Крамсу, чтобы он согласился на интервью. Идея пришла ночью. Пришла от отчаяния, но ее стоило попытаться воплотить.

С раннего утра она была уже на ногах. Эльзамана еле разбудила – колотила в его номер так, что сбежалась обслуга отеля. Парень открыл дверь, вдвоем коллеги кое-как успокоили обслугу, после Зоя приказала:

– Живо собирайся, завтракаем и берем Крамсу измором.

– Это как? – натягивая два свитера, спросил сонный Эльзаман. – Позже нельзя взять его измором?

– Нельзя. Давай, шевелись, гулена. Кстати, как вчера погулял?

– Ууу! – протянул он восторженно, отхлебывая воду из бутылки. – Это не рассказать. Тем более женщине. В общем, у меня здесь появилась подруга... Блондинка! Во-от таких параметров! – обвел он руками вокруг себя.

– Ну да, кавказские мужчины предпочитают буренок.

– Кавказский мужчина любит красоту, и красота должна быть видна, а не прятаться за шваброй. Я готов.

После завтрака Зоя привела Эльзамана к дому Крамсу и сказала:

– Отдыхаем.

– Отдыхаем? То есть как? Где?

– Стоим здесь, пока у него совесть не проснется.

– А если она не проснется?

– Завтра придем и будем здесь стоять.

– А если и завтра...

– Послезавтра придем.

– А если мы замерзнем? Мороз ведь...

– Попрыгаешь, – была непреклонна Зоя.

И они стояли. Эльзаман периодически действительно прыгал, чтобы согреться, а Зоя ходила перед крыльцом, разминая ноги, била себя руками по корпусу. И оба время от времени растирали лицо снегом. Как-то разом наступила ночь. Какое счастье, что темнеет здесь рано! Постояв еще немного, Зоя отстучала зубами:

– Ид-д-дем в от-т-тель.

На следующий день Зоя напялила на себя все, что у нее имелось, даже трое трусов. И еще то, что купила вчера вечером, – свитер на пять размеров больше и шарф. Эльзаман тоже приоделся и стал похож на кокон гусеницы. Оглядев себя и Зою – такой же кокон, – оператор резюмировал:

– Мы с тобой как немцы под Сталинградом.

Опять пришли к дому Крамсу. Простояв полдня, Эльзаман сказал:

– Кажется, у него нет совести. Надо что-то более действенное придумать.

– Придумай. У меня мозги отмерзли.

Но она заметила, как иногда отодвигался краешек занавески. Значит, Крамсу вел наблюдение за ними из дома, где тепло, трещат дровишки в камине, есть горячий чай. День прошел безрезультатно, вернулись в отель, Зоя едва передвигала ноги.

Третий день начался без изменений. Как два часовых, Эльзаман и Зоя стояли у дома Крамсу. Их уже приметили местные жители, здоровались, проходя мимо, на их лицах читалось недоумение и любопытство. Когда стало чуть смеркаться, Зоя прибегла к последнему средству:

– Я падаю в обморок, а ты зови на помощь.

– Какой обморок...

Но Зоя уже завалилась на него, и бедняга Эльзаман, ничего так и не поняв (мозги у него тоже отмерзли), подхватил коллегу и закричал:

– Люди! Женщине плохо! – Парень взглянул на дом Крамсу. А занавеска-то чуть открыта! Правда, хозяйина за ней не видно. Эльзаман положил Зою на снег, кинулся к дому, забарабанил в дверь.

– Эй! Откройте, черт вас возьми! Вы человек или чурка деревянная?

У Крамсу сдали нервы, как говорят в подобных случаях. Он помог внести Зою в дом, устроил ее у камина. При этом Эльзаман ругался:

– Вы из железа, да? Женщину мучить на морозе! Где ваше сердце? Вам трудно поговорить, да?

– Молодой человек, не забывайтесь! Вы у меня в доме! – строго произнес Крамсу, наливая в рюмки коньяк. – Выпейте и дайте вашей спутнице.

Когда он ушел вскипятить чайник, Зоя подмигнула Эльзаману:

– Он все же пустил нас.

– Ты как? – спросил шепотом Эльзаман, присев перед ней на корточки.

– Тише, идет.

Крамсу поставил поднос на стол. Без суеты разливал чай, неласково поглядывая на Зою с Эльзаманом.

– А вы настырная, леди, – буркнул он, отдавая ей чашку.

– Мне нельзя возвращаться без интервью с вами.

– А если вернетесь без интервью?

– Нас выгонят. Работы в городе по моей специальности нет, а там живут мои мама и дочь, я не могу их бросить и уехать... – Зоя смело рассказывала о своих проблемах. Бить на жалость – способ эффективный. – К тому же заказчик заплатил деньги, мне придется возмещать ущерб. Такой суммы у меня нет. Господин Крамсу, неужели то, что вы должны нам рассказать, государственная тайна?

– Кто такой заказчик? Почему он интересуется этой историей?

– Не знаю. Я его не видела, мы общались только по телефону. Мне лишь известно, что он заплатил за фильм полмиллиона рублей и дал деньги на поездку в Финляндию.

– Это много?

– Очень много!

– Скажите, какой у него был голос?

Зоя удивилась. Непонятно, что может дать человеку информация о голосе, которого он не слышал?

– Ну, молодой, пожилой... – настаивал старик.

– Ээ... пожалуй... средних лет.

– Вам не кажется, что он преследует какую-то цель?

– Уверена. Но я о его цели даже не догадываюсь. Мы люди подневольные, поймите.

Крамсу заходил по гостиной туда-сюда, потирая подбородок. Зоя предупредила на всякий случай:

– Мы не уедем без разговора с вами, господин Крамсу, я лучше тут умру!

– Вы шантажистка, – бросил старик беззлобно и глубоко вздохнул. – Не понимаю, кого может сейчас интересовать история столетней давности? Зачем нужно вытягивать ее из-под слоя пыли? Странно... Как вас зовут?

– Зоя. А это Эльзаман, он оператор.

– Вы что, хотите меня снимать? – отшатнулся Крамсу.

– Если можно... – с робкой, просительной интонацией сказала она. Оставалось только молитвенно сложить руки и пасть перед мужчиной ниц. – Я даже не знаю, что войдет в фильм, возможно, кадры с вами не понадобятся... Но мы должны вас снять... для отчета.

– Мне любопытно, почему он потребовал расследование, а вам дал мой адрес... Значит, он знает обо мне, о том, что тогда происходило, – как бы рассуждал вслух хозяин дома. А потом вдруг спросил: – Обещаете прислать мне ваше кино?

– Да, конечно! – оживилась Зоя, чувствуя победу.

– Ну что ж... Думаю, тех людей, о которых пойдет речь, уже нет в живых, и ничьей репутации мой рассказ не повредит...

Эльзаман тихонько подготавливал камеру. Крамсу налил себе чаю, сел в кресло рядом с Зоей:

– Начало этой истории похоже на пошленькую мелодраму, середина – любовный роман в худшем варианте, а закончилась она как детектив, но без точки. М-да, а ведь в двух словах не расскажешь...

– Мы не торопимся, – улыбнулась Зоя. – Расскажите все, что вам известно.

– Ладно. Но... Боюсь шокировать вас некоторыми подробностями.

– Полагаете, журналиста легко шокировать?

– И все же вы женщина, а история... несколько непристойная.

– Я мужчина, – разрядил обстановку Эльзаман. – Мне рассказывайте.

Крамсу наконец улыбнулся:

– Да, пожалуй, для вас, молодой человек, история весьма поучительная, хотя на чужих ошибках мало кто учится. Не знаю, с чего и начать... Ну, раз вам дали задание провести журналистское расследование, то начну с мелодрамы. Вам, Зоя, известна атмосфера в Советском Союзе перед войной?

– Об этом у нас много писалось и говорилось, – сказала она. – Сталинский режим...

– Простите, что перебиваю, но речь пойдет не о режиме и репрессиях, хотя именно эти факторы наложили отпечаток на многих людей. Представьте благополучную во всех отношениях семью: есть достаток, отличное жилье, дача на берегу Черного моря, слуги... Да-да, и тогда были слуги у избранных, которых с полным основанием можно назвать новыми русскими того времени. Сейчас ведь так называют у вас состоятельных людей?

Зоя кивнула.

– Внешне в стране был праздник, но при всем при том чувствовалась некая зажатость в людях, в отношениях, даже в самом воздухе. Не ощущалось стабильности, или... была тревожная стабильность – вот как будет точнее сказать.

– Наверное, перед войной всегда так.

– Не все догадывались, что будет война. Нет, Зоя, ту тревожность рождали аресты. Не было уверенности, что за тобой не придут ночью и не увезут в неизвестность. Знаете, когда друзья, которые числились на хорошем счету, имели положение и власть, вдруг пропадали бесследно, а потом выяснялось, что их расстреляли и семьи их испытывали гонения, то в душу невольно закрадывался страх – что будет и со мной через час, день? Отсюда и появлялась жажда взять у жизни запретное. Это невольно происходило, бессознательно. Но, как и всякое отступление от правил, снятие запретов вовлекает других людей в тот же порочный круг...

Мачеха

Инженер Борис Михайлович был добрейшим человеком. Когда в начале сорокового года арестовали его друга с женой, он не только писал письма во все инстанции, но и забрал к себе их дочь Ирину. Это был риск с его стороны, потому жена его, Анна Ивановна, была против: у них ведь трое детей, которые тоже могли остаться без родительской опеки. Старшему сыну Ивану исполнилось тогда шестнадцать, Лидочке – четырнадцать, Оленьке – шесть. Но катастрофы не произошло, разве что жизнь в доме непонятным образом разладилась. Вроде бы все осталось как прежде, но присутствовала едва уловимая натянутость, которую почувствовали дети, особенно Лидочка. Егоза и любознательная натура, Лидочка первая определила, что дома не хватает ласки и заботы со стороны родителей. Мать стала угрюмой и молчаливой, отец, правда, остался весел и бодр, но сына и дочерей почти не замечал.

С Ириной Лидочка подружилась, ей нравилась взрослая красивая девушка с аквама-риновыми глазами русалки, умеющая одеваться и причесываться, умно говорить, играть на рояле и петь. Институт Ирина не окончила – выгнали по понятным причинам, но она много читала, надеясь, что плохие времена пройдут. Лидочка не понимала, что значит – «плохие времена», когда же расспрашивала, от нее отмахивались, как от ребенка. Мол: детка, о чем ты, разве мы плохо живем? А Лидочка была уже не ребенок, она рано научилась читать потаенный смысл недосказанных слов, была неумна в своей любознательности, ее влекло к взрослой жизни. Из библиотеки Лидочка таскала книги, которые родители запрещали читать в ее возрасте, оттуда она почерпнула много познавательного в отношениях между мужчиной и женщиной. Часто девушка ставила себя на место госпожи Бовари или другой героини романов и думала: как бы она поступила на их месте? И сама себе отвечала: во всяком случае, глупостей не наделала бы и уж точно не выпила яду, как бы ни сложились обстоятельства.

У Бориса Михайловича была старшая сестра, которая жила в Ленинграде, и два брата – один служил на границе офицером, второй тоже, как и он, занимался самолетостроением. Если Борис Михайлович был статен, красив, энергичен в свои сорок восемь лет, то средний брат Федор, в очках, рассеянный, никогда не шумел, не хохотал раскатисто и громко, как отец Лидочки, сутулился и оттого казался ниже ростом. Роднила братьев одна черта – вспыльчивость. Но Борис Михайлович взрывался громко, а Федор Михайлович обижался и дулся, долго не разговаривал с обидчиком. От зоркого ока Лидочки не ускользнуло, что дядя Федор влюблен в Ирину. Ах, как жадно он смотрел на нее! Его кадык постоянно ходил по горлу вниз-вверх, будто мысленно дядя Федор проглатывал русалку Ирочку, а она не замечала этого.

Наступило лето, любимое время года, когда – долой учебники, долой зубрежку, долой режим! Да здравствуют дача, море, солнце и безделье! Собирались всем домом, включая няньку и кухарку, лишь домработница и Анна Ивановна, которая не могла бросить работу, оставались дома. Лидочка заметила, что мать сама не своя, но все мысли девушки заняли сборы – как уложить необходимое в два чемодана, ведь ехала на все лето.

– Да не волнуйся ты так, не первый раз мы без тебя уезжаем, – бросал отец обеспокоенной жене.

– Мам, все будет хорошо, – летая из комнаты в комнату, говорила Лидочка. – Где мой бадминтон?

– Бадминтон уложил Ванечка, – крикнула мама метеору-дочери, которая умчалась наверх и тут же появилась возмущенная, с пылающими щеками:

– Сколько раз говорить, чтобы не трогал мои вещи? Вот я ему...

– Успокойся, егоза, – сказал отец, но, как всегда, нестрогий. – Ваня более организованный, он ничего не забывает, даже твои вещи.

Дочь не дослушала, а помчалась к машине, на которой водитель должен доставить всех к поезду. И краем уха уловила (оттого притаилась за дверью!), как мама с упреком произнесла, обращаясь к Борису Михайловичу:

– Ты изменился с тех пор, как в нашем доме...

– Замолчи! – раздраженно сказал отец. (Нет, не сказал, рывкнул. Лидочка даже вздрогнула, она никогда не слышала, чтобы папа разговаривал с мамой в столь резком тоне.) – Все это твои выдумки, и мне они надоели!

– Как и я сама, да?

– Аня, зачем ты портишь мне и себе настроение перед отъездом?

– Я чувствую, что-то у нас не так...

– Опять! – прорычал отец. – Ты хочешь, чтобы я не поехал? Но мне и Федору надо работать, там нам никто не помешает, детей тоже нельзя отправлять одних. Поезжай ты, в конце концов.

– Я работаю, тебе это известно...

– Лида! – позвал брат Иван.

Девушка увидела, что он идет к дому, и помчалась к нему, немало озадаченная. Но вывод сделала: у родителей своя жизнь, в которую они не посвящают посторонних, а посторонние – это она и Ванька, маленькая Оленька не в счет. Оскорбительно и обидно.

В поезде разместились все, кроме отца. Он решил отправиться на машине с водителем, а по пути собирался завернуть на какой-то там аэродром, поэтому никого не взял с собой. Мама помахала рукой, поезд набрал скорость. Угломниться не могли долго, особенно Лидочка, она бегала из купе в купе со своими мелкими, но такими важными для нее проблемами. На первой же большой станции Ирочка вдруг взяла свой чемодан и стала прощаться:

– Я заеду к тетке, давно не видела ее.

– Как же так? – расстроилась Лидочка. – Ты же обещала сходить со мной в горы, научить плавать брассом...

– Впереди целое лето, успеем, – погладила ее по щеке Ирина. – Приеду через несколько дней, ты как раз успеешь обосноваться. Выбери комнату для меня.

И она сошла с поезда. Двинулась по перрону, улыбаясь Лидочке, которая смотрела в окно и грустила. Погода тоже грустила – пошел редкий дождь.

Ирина приехала через неделю. И как все удачно совпало: в тот же день приехал отец, только утром. Он и предложил Лидочке встретить девушку. На вокзал они отправились на старом автомобиле. Лидочка порывалась крутить баранку, даже проехала пару кварталов за рулем, но чуть не сбила мальчишку, после чего папа прогнал ее с места водителя.

– Как я соскучилась! – бросилась на шею Ирине Лидочка. – Все, все, теперь мы неразлучные подружки!

Она действительно не отходила от красавицы русалки ни на шаг, Ирочка укладывала ее спать с превеликим трудом. Горы, море, походы на базар – все вместе с Ирочкой. Отец и дядя Федор работали в маленькой комнате под крышей, спорили так, что было слышно внизу,

ненадолго уезжали. Ваня, считавший себя взрослым мужчиной и старательно следовавший образу рассудительного человека, предпочитал одиночество. Чем он занимался, Лидочка не интересовалась, знала, что Ванька мечтал о путешествиях. Им он посвящал свое свободное время – то есть путешествовал вместе с героями книг. А она с Ириной бродила по горам, училась рисовать акварелью, но, не имея терпения в отличие от взрослой подруги, больше валялась рядом с ней на подстилке, подставляя бока солнцу. Так прошел месяц.

Дом стоял среди смешанного леса, и, чтобы добраться до пустынного берега моря, надо было перейти гору – не тащиться же в обход. Но и через гору было два пути: один – трудный и короткий, для тех, кто любит препятствия, другой – более легкий, по узкой протоптанной тропинке, но длиннее. Однажды утром подруги вышли из усадьбы, как вдруг их догнал дядя Федор:

– Ирина, мне надо с тобой поговорить.

– Иди, я догоню, – сказала Ирина Лидочке.

Несколько раз обернувшись, Лидочка видела, что подруга и дядя Федор идут следом, разговаривают. Это надолго, решила девушка и помчалась к морю. На середине пути обнаружила, что забыла сумочку с едой. Но ведь после купания всегда есть хочется... Пришлось вернуться.

Еще издали она заметила, как горячо спорят Ирина с дядей. Никогда Лидочка их такими не видела! Русалка с аквамариновыми глазами, нежная, как первый снег, ласковая, как кошечка, что-то гневно доказывала дяде. На ее длинной шейке вздулись жилы, и сейчас она походила на злую зверушку. Дядя Федор, сунув в карманы брюк руки, раскачивался вперед-назад, упрямо наклонив голову и глядя на нее исподлобья. Изредка он бросал короткие фразы, на которые Ирина реагировала новой вспышкой гнева. «Какая жалость, – подумала Лидочка, – ничегошеньки не слышно – мешает ручей, бурливший после двухдневных дождей». Он же заглушил треск веток под ногами самой Лидочки, когда она перебежала от дерева к дереву, подбираясь к спорщикам поближе. Но ей не удалось подслушать, о чем шел спор, потому что дядя вдруг выкрикнул:

– Дрянь!

Лидочка просто упала за ближайший куст от звука пощечины. Дядя Федор ударил Ирину по щеке! Ударил наотмашь, у той чуть голова не отвалилась. Ударил и зашагал к дому. Ирина прислонилась спиной к стволу дерева, долго растирала щеку, потом откинула волосы со лба и прошла мимо подружки, лежавшей под кустом. Она шла к морю.

Лидочка проследила за ней, а после рванула в том же направлении, к морю, короткой дорогой, но более трудной. Она несколько раз упала, однако добралась до берега раньше подруги, скинула одежду и погрузилась в спокойную синеву.

Вскоре с горы сбежала Ирина со все еще горевшей щекой. Разделась, нырнула. Лидочка ждала, что она расскажет, почему дядя ударил ее, но ждала напрасно. Значит, у нее есть тайны, которые она не хочет выдавать подруге. А раз так, то какая же она подруга? И дядя Федор... Как он мог ударить женщину?

Уже вечером за ужином Лидочка подметила натянутость между отцом, Ириной и дядей Федором. Они общались, но сухо. Особенно Лидочку поразило, что Ирина и дядя вели себя так, будто утром и не было никакой пощечины. Да она бы на месте подруги рядом с ним не села! А Ирина передавала ему салат, когда он просил, Федор подливал ей вина... Как это называется? Ложью. Они лгут. Все.

И тогда Лидочка надумала сама узнать, что скрывается за пощечиной. Но как? Очень просто: подслушивать, подглядывать, наблюдать. Нехорошо? Да. А разве хорошо то, что они делают? После ужина она проскользнула в комнату брата и потребовала:

– Дай бинокль.

– Зачем тебе?

- На звезды хочу посмотреть, на луну.
- На звезды смотрят в телескоп.
- Ты что, жадина? – презрительно фыркнула она. – Вот не знала.
- Да бери, он в столе лежит.
- Лидочка взяла бинокль, но не уходила, присела на край кровати:
- Слушай, Вань, ты не заметил, у дяди Федора с Ирочкой роман, да?
- С чего ты взяла? И какое тебе дело?
- Интересно.
- Рано тебе интересоваться. Иди, не мешай.

Иван уткнулся в книгу. Впрочем, братец дальше своего носа ничего и не видел. Лидочка поспешила во двор, залезла на дерево. Отец и дядя находились в своем рабочем кабинете, окно было закрыто, ничего не удалось услышать. Любопытная наблюдательница лишь видела, что оба в неистовстве спорят, размахивают руками, чуть не лупят друг друга. А ведь спор явно не о работе – сделала вывод Лидочка и бросилась в дом. Подкралась к кабинету и приложила ухо к двери. Все равно не слышно – одно шипение. Она назад – на дерево. Спорят! Все ясно: ругаются так, чтобы никто не услышал, о чем идет речь. Шепотом ругаются! Да, да, отец и дядя ругаются, а не спорят.

Утром – все как прежде. Впрочем, не совсем так. Все делали вид, будто им хорошо. Для кого они так старались? Для Лидочки, Ваньки и прислуги? Однако Лидочка заметила (теперь она все подмечала), что нянька, простая пожилая женщина, дальняя родственница, недолгоблывает Ирочку. Это определялось по тем взглядам, которые нянька бросала на нее, – явно недружелюбным. Часто она будто не слышала, о чем просит ее Ирина, а если выполняла просьбу, то нехотя, как бы снисходя до одолжения. Лидочка подкатила к няньке:

- Почему ты не любишь Ирочку?
- А чего ради любить-то? – нахмурилась та. – Я, чай, не кавалер ее.
- Она хорошая, красивая, – провоцировала Лидочка.
- Ну да, хорошая, – произнесла нянька таким тоном, словно речь шла о змее. – Иди-ка, поплавай.

Вывод Лидочка сделала незамедлительно: у няньки есть причина не любить Ирочку. Какая именно? Напрямую спрашивать у подруги не решилась, все равно солжет, это она понимала уже отчетливо. И, научившись у взрослых, Лидочка старательно изображала дуреху, тщательно скрывая свое любопытство.

Внезапно, без предупреждения, приехала мама, какая-то вздернутая и... жалкая. С детьми дежурно обнялась, дежурно расцеловала их. Мама была пышной женщиной, а приехала заметно похудевшей и подурневшей, с затравленными глазами. Вопреки ожиданиям, отец не обрадовался приезду жены, как бывало раньше, и Лидочка догадалась, что между родителями образовалась трещина. Но от них, детей, всячески эту трещину маскировали.

Застолье прошло натянуто. Кухарка наготовила много блюд и с особой заботой подкладывала лучшие кусочки хозяйке, поглядывая на нее с жалостью. Значит, она тоже знает то, чего не знает Лидочка. Отец первым встал из-за стола, а минуту спустя, извинившись, и мама ушла за ним. Лидочка помчалась вон из дома, пригнулась к земле и подобралась к окну комнаты родителей.

- Да, Аня, да, – говорил отец тоном шкодника. – Я влюблен и ничего не могу с собой поделать. Прости. Я хотел переждать время, надеялся, мое увлечение пройдет, но негодяй случай не дал мне этой возможности.

– Негодяй ты, Боря, – тихо сказала мама.

– Знаю. Думаешь, мне не стыдно? Меня не мучит вина перед тобой и детьми? Ошибаешься. Но она так прекрасна, так свежа... как глоток горного воздуха, дающего силы и укрепляющего дух.

– Боря, как ты можешь так говорить? – дрогнул голос мамы. – Я жена твоя...

– Знаю, знаю... И ты простишь меня, Аня. Поймешь. Ты великодушна, у тебя доброе сердце...

– Не настолько доброе, чтобы слушать тебя.

– Я виноват. Я казнюсь, но... это сильнее меня. Подожди, еще немного подожди, я постараюсь справиться с собой. А пока не могу. Прости.

– Значит, я должна ждать, когда угомонится твоя похоть? Как бы ты поступил на моем месте? Тоже ждал бы? Я устала от твоих походов...

Лидочка больше не стала слушать, отползла от окна, села, не имея сил вернуться в дом. Она все поняла. Причина разлада в Ирочке. Много, о чем говорили мать с отцом, осталось для нее загадкой, но теперь Лидочка знала, за что ударил ее подругу дядя Федор: за то, что папа влюблен в нее. Следовательно, она виновата. Разумеется, как дочь, она была на стороне матери, чувствовала ее боль, помноженную на собственную. Ведь папа с Ириной обманули не только мать, но и ее, Ваньку, Олечку, дядю Федора.

Мама собралась уехать вечерним поездом. На вокзал ее вызвался отвезти дядя Федор. Лидочка с Ваней поехали провожать.

– Мама, почему ты уезжаешь? – спросила Лидочка.

И поразила себя: знает же, что правда для мамы такая же мучительная, как и для нее, поэтому она не скажет. Но ей хотелось понять хотя бы по глазам и выражению лица, почему мама не выгонит Ирину, почему убегает, а не отстаивает свое право быть возле отца, почему бросает их.

– Я работаю, – получила она скупой ответ.

Мама не смотрела детям в глаза, словно не хотела их видеть. Дядя Федор отвел ее в сторону, до отхода поезда говорил с мамой, в чем-то убеждая, но она качала головой. Она отказывалась. От чего?

– Что происходит? – наблюдая за ними, ловя каждое движение, спросила Лидочка. Вопрос не был обращен к брату, она задала его себе. Уж в который раз задала, хотя ответ знала. Но чего-то не хватало, чтобы темные пятна стали понятными.

– Разве не слышала? – пробубнил Ваня. – Мама вырвалась на денек...

– Ты болван, – вскипела Лидочка. – У папы с мамой разлад.

– Много ты понимаешь, – обиделся Ваня.

Но вот мама позвала их, обняла по очереди:

– Будьте умниками. Прощайте.

Крупные слезы покатились по щекам матери одна за другой, она выглядела несчастной и одинокой, стоя на подножке поезда, который медленно тронулся. И вдруг Лидочка почувствовала, что не сказала маме чего-то важного, а поезд сейчас увезет ее в другой мир, в другую страну, другую жизнь, увезет навсегда. И там, в другой жизни, не будет места для Лидочки, она станет такой же несчастной и одинокой.

– Мама! – Лидочка кинулась за вагоном. – Мама, подожди! Не уезжай!

– Лидуся, осторожно! – крикнула мама. – Не попади под колеса!

Проводница заняла ее место, Лидочка остановилась. Теперь по ее щекам покатились слезы, беспричинные слезы. А может, это были слезы взросления, когда приходит первое осознание: никогда больше не будет так, как раньше, она уже другая и никогда не будет прежней.

Лидочка не выходила из комнаты, сказавшись больной. У нее на самом деле повысилась температура, однако признаков простуды врач не обнаружил, но микстуры выписал. Когда Ирина или отец заходили проведать ее, Лидочка притворялась спящей. Она лежала целыми днями и думала, думала: какой может быть выход из этой ситуации лжи и предатель-

ства? К концу недели набралась мужества и решилась поговорить с отцом. Лидочка вышла к завтраку, и вдруг принесли телеграмму. Отец прочел и приказал ей с Ваней собираться в дорогу – они едут домой. В чем дело, почему? Не ответил. На машине мчались весь день, поздней ночью прибыли...

После похорон Лидочка одеревенела. Слез не лила, молча села в машину, поехали назад. Дождь барабанил по крыше, барабанил громко и часто, и казалось: за окном холодно, неприятно, пусто. Неприятно и пусто было и в салоне автомобиля, а еще темно и тихо. Никто не спал, но сидели в противоположных углах, словно боялись прикоснуться друг к другу. Перед каким-то закрытым шлагбаумом долго стояли, тягучая тишина выводила Лидочку из себя. И она вдруг громко и четко спросила:

– Почему умерла мама?

Дядя Федор обернулся – он сидел за рулем – но, встретившись в темноте со сверкающими непримиримостью глазами Лидочки, потупился и отвернулся. Лида второй раз задала вопрос:

– Почему умерла мама?

Она видела затылок отца прямо перед собой и вопрос адресовала ему, а не кому другому. Поняла, что он чувствует, с какой силой и гневом смотрит на него дочь, поняла, что ему неловко под ее взглядом, но жалко его не было. Ваня тихонько сжал пальцы сестры, мол, замолчи, а она выдернула руку и повторила:

– Почему она умерла?

Дядя Федор съезжился, нервно завел мотор и слишком резко тронул автомобиль с места – подняли шлагбаум. Никто не ответил, никто. Лидочка догадалась, что ответ несет в себе нечто страшное, разделившее их семью на «до» и «после», отдалившее каждого на огромное расстояние друг от друга, и теперь их не собрать.

Нянька горько плакала, когда думала, что ее никто не видит, но Лидочка все видела, все замечала. И то, что дядя Федор избегал ее, и то, что отец прятался в кабинете, и то, что Ванька стал угрюмым. Однажды она поймала дядю, когда тот не ждал этого, пристала:

– Мне кто-нибудь ответит?

– Что ты хочешь, Лидуся?

– Ты знаешь. Почему мне не говорят правды?

– Видишь ли, дорогая, люди уходят. Иногда уходят. К Богу. Но их души с нами...

– Дядя! – перебила она. – Ты проектируешь самолеты, летал за облаками, а говоришь про Бога? Нет там никого, ни душ, ни Бога, ты это знаешь.

– Есть, Лидочка. Ты потом поймешь...

– Почему умерла мама? – заладила она, понимая, что он уходит от ответа, подло уходит.

– Она сама так захотела.

– То есть... она сама? Сама захотела умереть?

– Да, Лидочка. И не нам судить ее, не нам.

Он пошел к лесу, Лидочка выкрикнула с отчаянием:

– Но почему? Почему?

– Извини, – не оборачиваясь, произнес дядя. – Я и так сказал больше, чем следовало.

Лидочка много читала. В романах героини уходили из жизни, потому что запутались, потому что их охватывал страх, потому что они были слабыми, глупыми дурами. Но мама! Она не была глупой, не была дурой. Мама не могла этого сделать! Кто-то должен подтвердить. Или развеять сомнения. Она побежала к брату в комнату. Он читал, как всегда, читал, Лидочка присела на край кровати, опустила книгу.

– Чего ты? – равнодушно спросил Иван.

– Мама сама, да? Я знаю, что она сама.

– Ну так, если знаешь, чего спрашиваешь?

– Как она? Чем?

– Настырная ты, Лидка. Зачем тебе знать? Что это изменит?

– Хочу знать, – упрямо повторила Лидочка, ловя его взгляд.

– Она оставила записку: «Я сама так решила, никто не виноват». А потом приняла яд. Утром ее нашла домработница и дала папе телеграмму.

Лидочка затряслась от беззвучных рыданий. Ваня испугался, обнял сестру, заговорил, глядя по спине и волосам, утешая:

– Ее не вернешь... Не надо, Лидуся, не плачь...

– Она нас бросила, бросила! – захлебывалась рыданиями Лидочка. – Ты ничего не знаешь... Она говорила с папой, а я подслушала. Папа сказал ей, что влюблен... что не может с собой справиться... Она уехала, а потом... потом... мы ее хоронили. Я ненавижу ее! Она не должна была, не должна... Но она нас бросила...

– Папа влюблен? – обомлел Ваня. – Что ты несешь?

– Да, да, да! Это все из-за Ирины, из-за нее. В нее влюблен папа, я знаю. А дядя Федор однажды дал ей пощечину... потому что знал об этом...

– Нет, не может быть, нет, – растерянно промямлил Ваня, известие стало для него ударом. – Папа серьезный человек...

– Не веришь мне? – отстранилась Лидочка и заглянула в глаза брату.

– Лидуся, ты ошибаешься.

Лидочке нечем было доказать, поэтому она пошла к выходу, но задержалась:

– Сам увидишь. Скоро.

А увидела она. Лидочка долго не ложилась спать, прислушивалась к звукам в доме, а то и подолгу сидела в гостиной, накрывшись пледом. Она должна была увидеть что-то запретное, что тщательно скрывают. Объектом ее пристального наблюдения стали Ирина с отцом. Но главное – цели своей она не определила, для чего их подкарауливала. Впрочем, ей достаточно было доказать себе, а если повезет, брату, чтобы он не считал ее дурочкой.

Только не ночью удалось подсмотреть, а днем. И произошло это совершенно случайно. Наверное, тот, кто жаждет, получает свою порцию горечи свыше. Лидочка теперь ходила одна на берег моря, где не встретишь людей. Однажды после долгого бодрствования она проспала почти до обеда, а проснувшись, решила освежиться в море. Никого не предупреждая, Лидочка побежала лесом, той самой дорогой, которая сложнее протоптанной тропы. Ей необходимо было растратить кипевшую энергию, поэтому девушка и избрала трудный путь. Она карабкалась по горе, выбиваясь из сил, а наверху, уставшая и запыхавшаяся, рухнула на влажную траву отдышаться.

Тут-то и увидела отца с Ириной совсем недалеко, чуть ниже, на выступе, поросшем травой. Увидела случку. Как спариваются собаки прямо на улице, точно так же спарились ее папа, которого она любила беззаветно, и русалка Ирина – подруга. Лидочка не закричала от неожиданности, видя непотребное действо, не спряталась, как прячутся шпионы, а смотрела на них, не боясь быть замеченной. Собственно, она просто не отдавала себе отчета, что стоит на виду у любовников. Стоило только обоим повернуть головы в ее сторону... Но они были уверены, что одни в этом глухом месте, закрытом густой зеленью, окруженном скалами.

Она видела, как ее папа лежал на подруге, а его голый зад (штаны были приспущены) судорожно ходил туда-сюда между ног Ирины, при этом ягодичы вздрагивали, как подтаявший холодец на тарелке. Папа отвратительно стонал, сжимая обнаженную грудь подружки, а та... Ирина лежала на спине с распахнутыми аквамариновыми глазами, безучастно глядя в небо. В ее лице совершенно не наблюдалось той бешеной страсти, которая перекосила, изменила до неузнаваемости лицо отца, сделав его некрасивым. А когда отец на некоторое

время замирал и в неистовстве целовал ее шею, грудь, лицо, она прикрывала глаза, сводила брови в одну линию и казалась мертвой.

В тот момент Лидочка вспомнила фразу матери: «Я должна ждать, когда угомонится твоя похоть?» Так вот, что она имела в виду... Да, не могло это нравиться маме, не могло.

Зрелище не вызвало у Лидочки ни омерзения, ни испуга, ни негодования. Ее будто заморозили, будто вырвали ее сердце. Отец вскрикнул несколько раз и в бессилии повалился на свою сучку. Все так же не таясь, Лидочка развернулась и пошла назад. Нет, одна эмоция обжигала грудь, мешая различать дорогу под ногами, – ненависть. Но что она могла сделать? Ровным счетом ничего. Даже Ваньке не расскажешь – стыдно описывать голый отцовский зад, его животные стоны – то, о чем говорила мама, – похоть.

Осознав свою беспомощность, а главное – не зная, как ей быть, куда девать ненависть, Лидочка замкнулась, надела маску безучастности, ершилась. Стоило отцу прикоснуться к ней, обнять или погладить по голове, она вспоминала его зад, уродливое лицо и стоны, отшатывалась от гадливости, грубила:

– Я не ребенок, Ольку гладь.

Лето прошло, вернулись в город. Дядя переехал в отдельную квартиру, навещал редко. Особенно невыносимо было видеть Ирину, которая делала слабые попытки возобновить прежние отношения с Лидочкой, но та оказалась упрямой и зачастую откровенно хамила ей. Осенью отец собрал детей и объявил:

– Вам нужна мать, мои дорогие. Думаю, Ирина заменит ее.

– Не заменит, – восстал Ваня. – Как ты можешь?!

– Это в тебе говорит максимализм, Ваня. Мне тяжело одному, одиноко. Когда ты повзрослеешь, поймешь.

Отец смотрел в пол и мямлял пальцы, ему было неловко. Он понимал, что детей не так-то просто уломать, а хотелось мира, хотелось идиллии, всего того, что исчезло со смертью их матери. Лидочка тоже не смотрела на него, а подвергла изучению окно, болтая ногой, заброшенной на другую ногу.

– Лидуся, что ты скажешь? – спросил отец.

– Если мы скажем «нет», ты ведь все равно сделаешь по-своему, – вздернув нос, презрительно бросила она.

Он что-то пролепетал и вышел из комнаты. Ваньку прорвало, он забегал, как петушок, размахался длинными руками:

– Да как он смеет! Не прошло и трех месяцев, как не стало мамы, а он жениться надумал!

– А я тебе что говорила? – торжествуя, процедила Лидочка. – Он давно с ней. Мама узнала. Они оба убили маму.

– Не болтай чепухи.

– Убили, убили! Ни ты, ни я, ни Оля ему не нужны, только гадина Ирина! Как думаешь, это дядя сказал маме про отца с Ирой?

– Не знаю. Она могла сама догадаться. Говорят, женщины чувствуют.

– Тоже мне, знаток, – окатила его презрением Лидочка.

Отец расписался с Ириной. Пышных торжеств не устраивали, посидели в ресторане без детей. Дядя Федор не пришел на свадьбу. Ирина заняла место матери в спальне и в доме, одевалась в самые лучшие вещи, стала настоящей дамой и безумно похорошела. До отвращения похорошела! Лидочка с Ваней не выносили ее и всячески демонстрировали свое отношение к мачехе.

Однажды отец с Ириной собрались в театр. Увидев ее, Лидочка задохнулась от ярости, подошла к бывшей подруге и сказала спокойно:

– Это серьги мамы. Сними.

– Что ты себе позволяешь! – взбеленился отец.

– Боря, прошу тебя, – остановила его Ирина, так как он рванулся к дочери с явным намерением ударить ее (отец, видя, что идилии не получается, что дети отделились от него, стал нервным). Ирина сняла серьги, положила их на столик перед зеркалом в прихожей. – Прости, Лидочка.

Серьги сняла, но поехала в норковом манто матери! Лидочка легла в кровать и придумывала ей казнь. Слышала, как вернулись отец с Ириной, подкралась к спальне. Она уже прекрасно разбиралась в сопении и столах, усмехнулась и...

Утром обнаружили норковое манто, разрезанное на длинные тонкие полосы. Отец влетел в комнату дочери с этими меховыми лентами в руках, потряс ими:

– Это ты сделала? Дрянь! Как ты посмела?

Сначала он кинул обрезки в лицо Лидочке, потом ударил ее по щеке наотмашь. Пощечина не испугала девчонку, а принесла удовлетворение и от содеянного, и от состояния отца.

– Дрянь не я, – гордо, с чувством превосходства произнесла Лидочка, – а ты и наша мачеха.

Ирина вбежала вовремя – отец как раз замахнулся, чтобы ударить строптивую дочь вторично, – схватила его за руку:

– Боря! Не смей! Уйди!

Разгневанный Борис Михайлович выскочил, как ошпаренный кипятком, Ирина в упор посмотрела на Лидочку и не удержалась от упрека:

– Зря ты так с папой...

– Я не нуждаюсь в заступниках. Он тоже, – холодно сказала та. – Убирайся из моей комнаты.

– За что ты меня ненавидишь? – мягко спросила Ирина. Наверное, думала смутить Лидочку, и та начнет оправдываться. Да не тут-то было.

– За то, что ты влезла между мамой и отцом.

– Я люблю его, Лидочка. И он меня тоже любит.

– Ах, ах, ах, они любят друг друга! – желчно рассмеялась падчерица. – Как сентиментально! Любовь... Как красиво! Как романтично! Любовь стоит того, чтобы преодолеть все преграды... Даже смерть... О, что я говорю! Что значит смерть для любви? Мелкая неприязнь по сравнению с любовью...

– Не смей так говорить! – задохнулась Ирина.

– А что ты мне сделаешь? Убьешь, как маму? Попробуй.

Ирина выбежала из комнаты в слезах.

Лидочка находила новые и новые способы досаждать обоим, делала мелкие пакости, чувствуя себя героиней. Сначала отец бесился, иногда его рука отвешивала пощечины дочери, но они словно подогревали ее ненависть. Потом (видимо, по совету мачехи) он перестал обращать внимание на дочь. Беситься начала Лидочка – ненависть не прошла, а утолить ее она не могла, не знала чем.

Дни тянулись с черепашей скоростью, и, чтобы занять себя, поменьше бывать дома, Лидочка записалась в различные кружки. Она подмечала малейшие изменения в отношениях мачехи с отцом – между ними не всегда царил лад, папа был ревнивым, нередко закатывал молодой жене скандалы. Да, он очень изменился, очень. Нервозность отца (а тот становился день ото дня озабоченнее и злее) Лидочка связывала с мачехой и торжествовала, когда они ссорились. За год она вытянулась, превратившись из подростка в белокурую девушку с пышными формами и красивым, умным, строгим лицом. На нее заглядывались не только сверстники, но и взрослые мужчины, а Лидочка остервенело училась, мечтая закончить школу и убраться подальше от мачехи с отцом.

Снова наступил конец мая, настало время ехать на дачу. Лидочка собиралась вяло, видеть на даче еще и Ирину с отцом было выше ее сил. С другой стороны, там она будет предоставлена самой себе, на даче можно уединиться. Но в минуты раздражения на тех же лиц она обещала себе:

– Я им устрою...

В самый разгар сборов в дом приехал озабоченный дядя Федор с молодым мужчиной, который представился Сашей. Он будто спрыгнул со страниц романов Майн Рида – был высок, плечист, скуласт, с синими глазами и волосами цвета спелой пшеницы. Дядя увлек отца в кабинет, а Лидочка тут как тут – под дверью.

– Ему всего-то и надо, что переждать некоторое время в укромном месте, – говорил дядя. – Полагаю, твоя дача подходящее место.

– Захотят, его найдут везде.

– Пока не ищут. Это предохранительная мера. Саша ушел в отпуск, куда он уехал – не догадаются. А мы тем временем докажем, что поломка произошла по вине конструкторов, никакой диверсии нет. Мы обязаны доказать.

– А вдруг он все же виноват? Что тогда? – нервозно спросил отец. – Не забывай, у меня трое детей.

– Раньше ты был великодушней, – упрекнул его дядя Федор. – Или твое великодушие распространяется только на юных дев?

– Перестань! – повысил голос отец. – Хватит меня терзать. Между прочим, тебя я тоже могу упрекнуть. Ведь именно ты предал меня, рассказал Анне о моей связи с Ириной.

– Не предал, а поступил, как должен был поступить на моем месте порядочный человек. К сожалению, Аня от борьбы за семью отказалась, ушла из жизни. И потом, братец, давай уточним, что есть порядочность. Ты спутался с Ириной, забыв о детях и жене. Ты это называешь порядочностью? Извини, но твоя «порядочность» свела в могилу Аню. А ты даже год... да что там, полгода не выдержал траура, поспешил жениться.

– Ирине нужна была другая фамилия, – начал оправдываться отец.

– Правильно, нужна. Как щит нужны твое имя и должность главного инженера, в котором сейчас нужда, чтобы уж наверняка не вспомнили, где ее родители, и не пришли за ней.

– Ты так говоришь, потому что она отвергла тебя.

– Да, поначалу мне было обидно, я ведь любил ее. Но, мой дорогой, открой глаза пошире. Женщина, которой дали кров и пищу, не должна лезть в чужую постель хотя бы из благодарности. А она влезла и между нами, потому что понимает: я могу раскрыть твои глаза. Запомни: Ирине нужно лишь твое положение, а не ты. Значит, отказываешь Саше?

Пауза. Лидочка прильнула к замочной скважине. Она никогда не видела отца таким потерянным, с трусливо бегающими глазами.

– Не знаю... я... боюсь, Федя.

– За Ирину боишься? – Лидочка про себя отметила: дядя удачно поддел отца, у того просто скулы свело. – Что ж, сторожи свою жену. Да ведь все равно не углядишь!

Лидочка отпрянула от двери, так как дядя пошел к ней.

– Хорошо, – сдался отец. – Пусть поживет на даче.

Итак, Лидочка поняла, почему дядя Федор редко навещал их: причина в Ирине, которая умудрилась пробежать черной кошкой и между братьями. Как правы писатели – женщина может быть огромным злом.

Отец с дядей Федором перевезли семейство на дачу и тут же оба уехали.

Первые дни шли дожди, по этой причине все сидели под навесом или в доме. С двадцатипятилетним Сашей Лидочка первая нашла общий язык. Он оказался интереснейшим

человеком, много знал, воевал в Испании, ему было что рассказать. Об Испании слушал и Ванька, которому остался год до окончания школы, но теперь он мечтал не о путешествиях, а повоевать с фашистами. Саша прекрасно играл на гитаре и чудесно пел. Когда же ему начала подпевать мачеха, Лидочка демонстративно уходила, высокомерно бросая на ходу:

– Терпеть не могу женского вытья.

Наблюдательность стала основной ее чертой. Собственно, это длинные вечера с бездельем заставили не только слушать Сашу, но и наблюдать за всеми. Помимо воли, взгляд девушки приковывался к мачехе. В общем-то в поведении той не было ничего особенного, вот только ее аквамариновые глаза... Они-то и выдавали хозяйку в тот момент, когда Саша красочно описывал города и горы Испании, жителей этой далекой страны, воздушные бои (он был летчиком), или когда он пел, или когда его пальцы бегали по струнам гитары. Ирина внимала, приоткрыв рот, губы ее подрагивали, иногда она их покусывала, глаза туманились. Мачеха очень старалась понравиться Саше. Так старалась, что это стало заметно даже ненаблюдательному Ваньке. Однажды он придвинулся к Лидочке и шепнул на ухо:

– Смотри, как пялится на него.

– Кто? – невинно захлопала ресницами Лидочка, якобы не поняв, о ком идет речь.

– Мачеха. Как бы не съела.

– Подавится, – усмехнулась она.

Но слова Ваньки явились подтверждением, что Лидочка не ошиблась: Ирина увлеклась скуластым плечистым летчиком. Впрочем, тот сильно выигрывал по сравнению с отцом, который заметно постарел после смерти жены. Лидочка, если честно, тоже увлеклась Сашей, думала только о нем, сама себе боясь признаться, что первая любовь обрушилась на нее.

Однажды вечером, когда все собрались идти спать, Ирина вдруг предложила гостю:

– Мы еще посидим...

– Тогда и я останусь, – мстительно процедила Лидочка. И так и просидели, пока Саша сам не предложил расходиться.

Целыми днями она не отходила от него ни на шаг, зля мачеху. Они ходили купаться, гуляли по лесу, и мачеха тащилась за ними, причем Лидочка выбирала самые непролазные дебри. Ирина рядилась в изысканные одежды (ясно, для чего), а на каблуках по горам не побегаешь. Потом Лидочка задумалась: а чего Ирина хочет? Она замужняя женщина, ее долг сидеть дома и ждать мужа, ну, еще за хозяйством следить, ведь и так обосновалась на шее отца. Но раз она бежит за Сашей, значит, чего-то добивается. И Лидочка прекратила ей мешать, однако... тайком следила за обоими.

Как-то под вечер она увидела, что Саша в сопровождении своего «хвоста» в беленьком платьице отправился купаться. Лидочка рванула к брату:

– Идем на море.

– Не хочу...

– Идем! – стянула она его с кровати. – Лежебока. А еще воевать собрался... Идем, море сегодня как зеркало.

Ванька подчинился. Лидочка не пошла по протоптанной тропинке, ее женское чутье выбрало другую дорогу – ту самую, трудную. У нее, помимо того что она короткая, было еще одно преимущество – к берегу можно подкрасться незаметно, а сверху открывался идеальный обзор. Именно на берегу Лидочка надеялась увидеть нечто необычное. Ванька ворчал и бурчал, но его сестра стремительно карабкалась по скалам, цепляясь за ветки, перепрыгивала бугорки. И наконец...

– Что это? – остановился Ванька.

Лидочка тоже различила женские вскрики, помчалась на них и вдруг резко присела. О, какая картина открылась! То же место, та же сцена, что и год назад. Но Ирина с Сашей были полностью голыми, стонала теперь Ирина, да еще как... Казалось, она рыдает и бьется

под Сашей, словно вырываясь, но его крепкое, мускулистое тело придавливало ее к земле намертво.

– Грязная шлюха, тьфу! – выругался шепотом Ванька. – Идем...

– Отстань, – прошипела Лидочка.

Крадучись, Ванька ушел, Лидочка осталась, изучая зрелище. Не безучастной была Ирина, как тогда с отцом, а сама впивалась в губы Саши, будто действительно хотела их съесть. Иногда она широко распахивала глаза, и в них, совершенно бессмысленных, отражалось небо. Подобный невидящий, отчужденный от всего земного взгляд Лидочка видела у городской сумасшедшей. Но сейчас девушка и в себе почувствовала разницу. Тогда у нее словно вырвали сердце, теперь оно бешено колотилось, подталкивая к горлу тягуче-сладкую волну. Возбуждение Ирины докатилось до Лидочки, рассыпалось испариной по спине и лбу, отдалось дрожью в коленях, руках, шумом в голове. Юная наблюдательница как бы ощущала вкус губ Саши, его сильные руки на себе, соприкосновение своего тела с его... И вспыхнуло ожидание чего-то неизведанного, но близкого, чего-то неземного, но до изнеможения приятного. Лидочка испугалась новых ощущений и побежала вниз, туда, где ее ждал Ванька.

– Как тебе не стыдно? – напустился на нее брат. – Смотреть на эту гадость... Тьфу! Дрянь, шлюха... Никогда не женюсь, никогда. Я убью ее.

– Не болтай, – задыхаясь, произнесла Лидочка и всю дорогу молчала, потому что думала: «Что влечет людей проделывать подобное бесстыдство? Раз отец этого хотел, и мачеха хочет, и Саша, значит, в этом что-то есть». Конечно, есть. Ведь достаточно вспомнить свое состояние, когда тело застыло в ожидании... свинского счастья, которое так и не наступило, но осело тяжестью в животе, утяжелило грудь. А мачеха свинское счастье, звериное удовольствие получила, и дал его ей Саша...

За ужином Лидочка не сводила хищных глаз с Ирины. Взрослых глаз, понимающих многое и видящих насквозь, уличающих глаз. Мачеха недоуменно поглядывала на падчерицу. Наконец, убирая со стола посуду, спросила:

– Что ты на меня так смотришь, Лидочка?

– Учусь, – усмехнулась та. – Нельзя?

– Чему ты учишься?

– Лживости. Подлости. Предательству.

– О чем ты? – беспокойно заюлила глазами-аквамаринами Ирина. – Может, нам пора поговорить?

– Хм! – Лидочка поражалась умению мачехи делать вид невинного воробышка. – Человеку дано природой лишнее – умение говорить, а ведь слова ничего не значат. Смысл в том, куда человека влечет его животное начало, а оно учит приспособливаться, изворачиваться, отнимать. Как у животных. Этому я учусь у тебя. Причем совсем необязательно слушать пустые слова.

– Лидочка, ты так непонятно изъясняешься, что у меня мозги кипят, – попыталась обернуть в шутку выпад падчерицы Ирина. – Ну почему ты злишься? Мы ведь были подругами...

– Были!

Лидочка сверкнула гневными глазами и встала из-за стола, покончив с разговорами.

Следующую ночь она встретила на дереве, вооружившись биноклем, который направляла по очереди на окна мачехи и Саши. Ирина готовилась не ко сну, нет! Она готовилась на бал: оделась в лучший ночной наряд, придирчиво укладывала волосы, мазалась кремами и прыскала на себя духами. От их изобилия наверняка задохнуться можно!

Лидочка перевела бинокль на окно Саши. Тот курил папиросу в постели. И вот она – Ирина – всплыла в его комнату, опустила подлые глаза, изображая, наверное, целомудрие. Он ткнул папиросу в пепельницу, закинул руки за голову и в упор смотрел на мачеху. Она

поплыла к нему, поплыла несмело, не поднимая глаз, словно не ее воля руководила ею, села на край кровати. Ладони мачехи гладили его грудь, потом их губы соединились... Рука Саши протянулась к выключателю настольной лампы на тумбочке...

Пришлось слезть с дерева и подобраться к окну. Лидочка высунула голову так, чтобы только глаза очутились над подоконником, но, черт возьми, слишком темно, хотя два тела на белой постели различить было нетрудно. Приглушенные стоны и шепот мало интересовали Лидочку, ей нужны были подробности. Однако она выяснила главное – не Саша к Ирине бегают, а мачеха – блудливая кошка.

Лидочка вернулась к себе, улеглась в кровать и долго смотрела в темный потолок. Поворачиваясь на бок, уже сонная, она пробормотала вслух:

– Отниму. Я смогу.

Она ждала отца, чтобы осуществить свой план. Вечером, накануне его приезда, Ваня отозвал Лидочку в глухой угол сада, огляделся по сторонам и, смущаясь, спросил:

– Отцу будем говорить, что видели в лесу?

– Ни в коем случае.

– Но почему?

– Потому что Ирина найдет способ оправдаться, еще и нас обвинит. Отец поверит ей, а не нам. Давай подождем немного?

– Чего ждать, чего? – кипел Ваня.

– Не знаю.

– Смотри...

Из-за пазухи он вынул револьвер, Лидочка отшатнулась:

– Где взял?

– У отца в кабинете. Убью обоих.

– Положи на место, дурак! Вот еще, выдумал, убьет он... Да и зачем Сашу убивать? Не он к ней ходит по ночам, а мачеха к нему. Я своими глазами видела, как Ирина в постель к нему залезала. У меня есть план...

– Какой? – заинтересовался Ваня. Он готов был помогать Лидочке, лишь бы отомстить мачехе.

– Ваня, если я расскажу тебе, ты будешь против. Но обещаю: Ирка зарыдает горячими слезами. Тебе не надо ее убивать, а то за убийство знаешь что бывает? То-то. Доверься мне.

Отец приехал утром вместе с дядей Федором, приехал всего на три денька, и было это пятого июня. И сразу он уединился со своей гадиной, которая порхала вокруг него, изображая любящую, преданную, соскучившуюся жену. Лидочка без эмоций, которые зачастую мешают рассудку, анализировала поведение мачехи, несколько раз ловила на себе вороватый и беспокойный ее взгляд – догадалась, что та боится злющей падчерицы. А Лидочка весь этот и следующий день посвятила Саше, у которого после разговора с дядей Федором ухудшилось настроение. Можно сказать, он впал в уныние. После обеда девушка предложила ему сходить на море. Мачеха нервно и робко попыталась отговорить, мол, пасмурно, вот-вот дождь пойдет. А дождем и не пахло! Просто небо заволокло серой пеленой, разве это помеха купанию?

По дороге в основном дискутировали. Лидочка сообразила: чтобы стать интересной Саше, надо его чем-то поразить. А чем поразить взрослого мужчину, воевавшего в небе Испании, глядящего на тебя как на дитя? Женская природа вела ее точно по курсу: заинтересовать Сашу можно неординарными суждениями, без рисовки. В школе Лидочка слыла чуть ли не философом, поскольку не только имела свое мнение по тому или иному вопросу, но

и обосновывала его. Сейчас она ненавязчиво рассказала историю семьи. А то, может, Саша не знает, с какой гадиной связался? Но тот неохотно принял тему:

– Я знаю, Лидочка. Ирине тоже нелегко, не суди ее строго.

– Нелегко? Потому что она не любит отца, а лжет?

– Обстоятельства иногда сильнее нас, а страх бывает сильнее разума. Она не хотела, чтобы твоя мама погибла.

– Не хотела... – приостановилась Лидочка, задумавшись. Нет, она не способна простить Ирину, не судить ее. – Но вышло именно так. Скажи, ты чего-то боишься? – перешла на другую тему, интересовавшую ее не меньше.

– Боятся все, когда обстоятельства сильнее.

– И так говоришь ты, летчик, который сражался в Испании?

– Хм, – усмехнулся Саша. – Ради этого я туда и поехал. Ведь тоже боялся, как все, что меня собьют или убьют. Но тот страх преодолеть было нетрудно.

Лидочка подошла к нему очень близко. Так близко, что ее дыхание сталкивалось с преградой – лицом Саши. От него шел поток мощного тепла, отчего сердце девушки как бы повисло на тонкой ниточке, которая вот-вот оборвется. Вновь появилось то самое ожидание, взволновавшее ее в лесу, когда он был с мачехой. Она заглянула в глаза Саши, затаив дыхание, спросила:

– А какой трудно?

– Видишь ли, там моя жизнь зависела от меня, от моего умения и опыта, скорости реакции. Но существуют условия, когда не от тебя зависит твоя жизнь – от других, от их справедливости. А люди не всегда хотят быть справедливыми. И тогда подтачивает страх бессилия.

– Очень мудрено, – произнесла Лидочка, потупившись. Сейчас она тоже боялась, что он прочтет ее тайные и весьма грешные мысли. – Идем, а то до вечера не доберемся.

Море штормило. Белая пена с шипением ворошила гальку, жадно облизывая берег, и чайки, отбрасываемые ветром, кричали как-то уж очень надрывно, словно беду пророчили. Лидочка подставила солоноватому ветру лицо и прищурилась. Она, только-только шагнувшая из детства во взрослое состояние, жила с внутренней тревогой и успела полюбить ее, потому что тревога заставляет жить сегодня, а не потом. Возможно, она же и давала ощущение свободы, того высшего блага, когда ничего не боишься. Лидочка сбросила всю одежду, услышала за спиной растерянный голос Саши:

– Лидочка, ты забыла, что здесь еще я...

Но девушка уже вошла в воду, преодолевая удары волн. Плавая среди разыгравшейся стихии, Лидочка чувствовала в себе силу – огромную, неумную, беспощадную. Ей чудилось, что живет она на свете очень долго, знает все-все, и любое ее желание исполнится тотчас, стоит только захотеть. Исполнится, потому что есть сегодня, завтра будет другой день, другие желания. А может, их вообще не будет.

Над головой ее клубились сизые облака, опускаясь все ниже и ниже. Сверкнула молния, по воде зловеще запрыгали капли, сорвавшиеся с неба, их становилось все больше. Лидочка поплыла к берегу и, рассчитав усилия, вылетела на гальку вместе с волной. Но не удержалась на ногах, упала. Руки Саши взяли ее за плечи, помогли подняться, тут же он набросил на нее полотенце:

– Бежим под скалу. Дождь ненадолго, туча скоро уйдет.

Он подобрал вещи и ринулся под каменный навес, слишком маленький, чтобы разместиться там свободно. Едва очутились в сухом месте, где можно только сидеть, как дождь пошел сплошной стеной, закрыв полупрозрачной завесой бушующее море. Саша отвернулся, не глядя, протянул Лидочке ее одежду, она не взяла, а промокала длинные волосы полотенцем, которое он набросил на нее. Раскат грома оглушил, казалось, рядом что-то взо-

рвалось. Но Лидочка была не из пугливых и после стихшего грохота восторженным шепотом сказала:

– Люблю грозу. И дождь. Саша, а почему ты не смотришь на меня? Я некрасивая?

– Ты очень красивая, Лидочка, – сказал он, встряхнул рубашку, сунул руку в рукав. –

Но тебе лучше одеться.

– Одеваюсь.

Не ум, а женский инстинкт подсказал ей не лезть напролом. Одевшись, они посидели в молчании некоторое время, дождь на самом деле уходил в сторону. Когда капли стали редкими, Саша вылез из-под навеса, протянул руку Лидочке. Выбравшись, она намеренно не отпускала его руку, изучая в нем изменения, произошедшие за тот короткий срок, что они пробыли здесь вдвоем, так близко друг к другу. В Саше появилось нечто новое, и, глядя на нее, его кадык ходил вверх-вниз, как когда-то – всего год назад! – у дяди Федора, когда тот смотрел на мачеху. Теперь-то дядя в упор не видел жену брата.

– Вы промокли? – встретила их Ирина, а сама обследовала обоих своими беспокойными глазами-акваринами.

– Почти нет, – сказал Саша, отправляясь в свою комнату.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: Ирина увидела в Лидочке, несмотря на нежный возраст падчерицы, коварную соперницу. И та поняла ее чувства. У нее оставалась последняя ночь перед отъездом отца – мачеха не посмеет покинуть мужнюю постель, чтобы очутиться в постели Саши.

Поздно вечером, когда все уходили спать, Лидочка нарочно произнесла фразу Ирины:

– Мы еще посидим, правда, Саша?

– Посидим, – не отказался он, нежно перебирая струны гитары.

Взвинченная мачеха сжала челюсти, но ей не оставалось ничего другого, как только уйти к мужу. Саша тихонько пел испанские и русские песни, Лидочка слушала, определив, что и ему не хочется уходить к себе в комнату.

А ночь была удивительно безмятежна, напоена летней свежестью и пахла ночными фиалками, дурманящими и без того горячие головы. Лидочка не боялась, что Саша прогонит ее. А если и попытается, то это будет проявлением страха, о котором он говорил днем. Не получится сейчас, получится чуть позже, в следующий приезд отца! Лидочка была уверена в своих силах, в том, что ее план удастся.

В его комнате было темно, она двигалась на ощупь и бесшумно, но он услышал:

– Кто здесь?

– Я, – тихонько отозвалась Лидочка, садясь на край кровати.

– Лидочка? Что ты здесь делаешь?

Глупейший вопрос из уст взрослого мужчины.

– Пришла посмотреть, как ты спишь, – сказала она.

Возникла долгая пауза, но Лидочку она не смущала, нечто подобное она предполагала. Близость мужчины, который ей небезразличен, его напряжение, азарт предвкушения запретного плода, таинства сделали ее бесстрашной и помогли находить приемы, заложенные природой. Лидочка наклонилась к Саше, он затаил дыхание.

– Поцелуй меня, – прошептала она.

– Лида...

– Молчи, молчи... – Лидочка нашла его рот и закрыла ладошкой. – Я знаю, что веду себя плохо, и мне нравится быть плохой. Однажды я видела тебя с Ириной... Саша... сделай со мной то, что ты делал с ней.

– Что?! – заерзал он. – Ты соображаешь...

– Соображаю.

Лидочка прильнула губами к его губам, прильнула неумело, но искренно и жарко. Потом она развязала поясок своего ситцевого халатика, распахнула его, нашла руки Саша, положила их себе на плечи, спустила на грудь. Мягкие, теплые мужские ладони, впервые коснувшиеся ее тела, привели Лидочку в восторг. Все получится так, как она сейчас хочет! И всегда будет так!

– Разве я хуже? – шептала Лидочка и ластилась, ластилась к нему. – Ты научишь меня, я буду лучше...

– Лида, ты потом пожалеешь...

– Нет. Нет. Не пожалею. Молчи... Хочу, чтоб ты... только ты...

Видимо, Саше трудно было справиться с собой. Его руки заскользили по телу Лидочки, высвобождая из халатика, а у нее закружилась голова. Находясь в густом тумане, она прижалась всем телом к Саше, чувствовала жар, исходящий от него, экстаз от ласк и поцелуев останавливал сердце... Она победила мачеху, Сашу, себя. Даже мгновенная боль не уменьшила радости и счастья от победы. Собственно, Лидочка не столько торжествовала – это у нее впереди, – сколько осваивалась с новой, потаенной частью жизни.

Отца и дядю Федора проводили. Мачеха то слонялась по двору, то в гамаке валялась, а то вдруг пригласила Лидочку и Ваню прогуляться к морю и предложила позвать Сашу, он почему-то не вышел к завтраку. Пасынок и падчерица отказались от ее приглашения, причем грубо. Ирина этого вроде бы и не заметила, только обронила:

– Тогда навещу Александра, может, он болен. – И поплыла в дом.

Лидочка подхватила и бегом к окну. Села под ним, прислушалась.

– Не понимаю, почему? – панически прозвучал голос мачехи.

– Надоело сидеть в подполье, поеду и – будь что будет.

– Прошу тебя, не уезжай...

– Ирина! – сказал он строго. – Мы зашли слишком далеко, у тебя своя жизнь, у меня своя. Пора поставить точку.

Лидочка замерла, пытаясь угадать, что происходило в комнате.

– Ты охладел ко мне? – дрогнул голос Ирины. – Или ревнуешь к мужу? Вот ведь глупо. Нам же было хорошо вместе...

– Закончим этот разговор. Я так решил. Уходи.

Лидочка отползла от окна, побежала в дом и увидела: мачеха, опустив плечи, побрела в свою комнату. Ах, как сладко заныла внутри месть. Но то, что Саша собрался уехать, испугало. Лидочка рванула к нему, постучала.

Чемодан стоял на кровати, Саша накупился.

– Уезжаешь? – спросила она, глядя ему прямо в глаза. – Из-за меня?

– Нам не следовало этого делать, – выдал он, отвернулся к окну. – Тебя не виню. Я неправильно себя повел.

Лидочка подлетела к нему, прижалась щекой к спине, обняла и сбивчивым шепотом, задыхаясь от счастья, потому что она, а не Ирина сумеет задержать его, проговорила:

– Ты жалеешь? Нет, нет, неправда! И я не жалею. Я сама хотела. Останься. Или хочешь... хочешь, уеду с тобой? Буду твоей рабой, служанкой, хочешь?

– Глупая ты, Лидочка.

– Останься... Останься...

Она сделала пару шагов и очутилась с ним лицом к лицу. За ночь Лидочка неплохо усвоила практические уроки, ее поцелуи уже не были детскими и неумелыми. А Саша... Чем-то она зацепила его, может быть, непосредственной простотой, неумением играть роль и скрывать чувства. Или девственная свежесть Лидочки вместе с чистыми глазами ангела околдовали его, но минуту спустя он крепко обнимал ее и целовал в губы.

- Обещай, – лепетала Лидочка, – что ты никогда, никогда не будешь с Ириной.
- Обещаю...

Ирина сделала еще одну попытку устроиться на кровати рядом с ним, но Саша сдержал слово и был вознагражден. Лидочка проводила ночи у него, возвращалась в свою комнату на рассвете и спала до обеда. Конечно, Ирина не могла не заметить в ней перемен, падчерица перестала язвить и грубить, в ней появилось нечто новое, сугубо женское. А то, что Саша отверг ее, Ирину, явилось новым поводом к подозрениям.

Однажды все вместе пошли к морю. Мужчины поплыли в открытое море, Лидочка разделась и улеглась на полотенце. Вот тогда до Ирины многое дошло.

- Ты отдалась Александру...

Нет, она не спрашивала – утверждала. Лидочка подобного откровения не ожидала, открыла веки и взглянула на мачеху безучастно.

- С чего ты решила? – произнесла она, переворачиваясь на живот.

– По твоему телу. Когда девушка отдается мужчине, в ее теле появляются особенные признаки. У тебя женский живот. И ноги стали женскими.

– Вот как... – усмехнулась Лидочка. Что ж, настал момент отплатить Ирине. – Да, я отдалась Саше. И мне нравится отдаваться ему, целовать его губы, обнимать его тело. Разве ты не то же самое делаешь... с отцом?

– Опомнись, что ты несешь? – Удар достиг цели, Ирина стала бледно-зеленой, а губы посинели. Видимо, подобная реакция и родила фразу «позеленела от злости». – Ты забыла, сколько тебе лет! А он... Как он мог! Развратник!

– Ты любовь называешь развратом? – делано удивилась Лидочка. – Но ведь когда мама была жива, ты тоже занималась с отцом развратом. Или я чего-то не понимаю?

– Ты слишком много понимаешь для своих лет, – окрысилась Ирина. – Тебе хоть известно, что от этого беременеют?

– Но ты же не забеременела. А если я забеременею, так от любимого человека. Скажу тебе как подруге: когда он во мне, я задыхаюсь от счастья, – добивала ее Лидочка. – Мне хочется кричать от восторга, а потом хочу, чтобы все повторилось снова и снова. Скажи, ты испытывала подобное?

– Боже мой... – едва не умерла Ирина. – Это говорит юная девочка... Я расскажу твоему отцу, он должен принять меры...

– Попробуй, – с угрозой прошипела Лидочка, мстительно прищурившись. – Ты сделаешь большую ошибку.

Через несколько дней приехал отец. Как всегда, с дядей Федором. Сначала они переговаривали с Сашей, потом вышли к обеду. Лидочка ждала натиска со стороны Ирины и готовилась к отпору, не чувствуя страха ни в малейшей степени. Но мачеха, позеленевшая от злости, как болотная лягушка, не уводила отца, чтобы сообщить ему о происшествии.

Отец позвал Лидочку после ужина. Она успела шепнуть Ване:

– Послушай у окна. Там растет дерево, залезь на него. Только тихо, чтобы никто не заметил.

- Ты что! – вытаращился Ванька. – Это же... неприлично.

- Неприлично? Все, что у нас произошло, – неприлично. Иди, я сказала!

И помчалась в кабинет. Ее не обрадовало присутствие там дяди – дядя Федор оставался единственным человеком, которого она уважала и любила, которого стеснялась и не хотела бы огорчить. Он сидел в кресле, Ирина на тахте, отец расхаживал из угла в угол. С нехорошим лицом расхаживал – губы поджал, челюсти стиснул, брови нахмурил. Лидочке предоставили стул возле стола, она села.

– Ирина сказала, что ты... – начал сквозь стиснутые зубы отец, но не смог сразу закончить фразу, потупился, набрал воздуха в грудь, – что ты спишь с Александром. Это правда?

– Нет, – сказала Лидочка, глядя на отца невинными глазами. Они, взрослые, и научили ее лгать.

– Она тебе лжет, – бросила с тахты Ирина. – Если бы ты слышал, как она описывала свои утехы с ним... Такие подробности может знать только женщина, испытавшая их, а не девчонка.

– Лжет твоя жена, – невозмутимо заявила Лидочка.

– Своди ее к врачу, и ты без труда узнаешь, кто из нас говорит правду, – выпалила мачеха.

Поход к врачу грозил позором. Сразу же в городке, похожем на поселок, станет известно, зачем папа привел дочь, заговорят: уважаемые люди, а дочь у них шлюха. Лидочка к такому не была готова, но сейчас ее интересовало, что скажет отец, и она выжидающе уставилась на него. А он сказал:

– Хорошо. Завтра же с утра я отвезу тебя к врачу.

Теперь Лидочка разозлилась. О, как она разозлилась – непередаваемо! Отец не только не поверил ей, но готов вынести на всеобщий суд поведение своей дочери. А это уже предательство. Кивнув в сторону мачехи, она процедила:

– Ты веришь этой?

– А почему я должен верить тебе? Хочу убедиться, что ты, Лидия, держала себя в строгости, как и подобает...

– Например, тебе, – вставила она, перебив отца. – А как ты проверишь свою жену? Спроси у нее, она хранила тебе верность? Спроси.

– Боря, я пойду, – встала Ирина. – Не хочу слушать оскорбления.

– Сядь, святоша, – елейно произнесла Лидочка. – Да, я спала с Сашей. А что в этом особенного? Ты, папа, изменял маме. Ведь из-за твоей измены она и отравилась, правда? Почему же меня упрекаешь? Я никому не изменила.

– Лидия! – побагровел отец. – Ты забываешься! Да как ты посмела? Вон из моего дома, мерзавка!

– Я ничего не забываю и не забываюсь, – парировала она. – Так вот, раз уж меня тут судят самым строгим образом, слушай, пока я не ушла из твоего лживого дома. Это было в лесу. Ты же знаешь дорогу к морю, которая ведет через скалу, она короче, но трудней. И когда переходишь скалу, чуть внизу есть площадка... – Отец замер, уж он-то хорошо знал то место. А Лидочка спокойно продолжала: – Я видела, как твоя жена на этой площадке лежала голой, а на ней лежал мужчина. Тоже не одетый. Она дергалась под ним, как полоумная, и стонала. Незабываемое зрелище. Поучительное. Я беру пример с твоей жены.

– Врешь! – закричала Ирина. – Не верь ей! Она назло говорит. Она ненавидит меня...

– Да, я ненавижу тебя, – призналась Лидочка. – Потому что ты убила маму. Но говорю я правду. Ты мне не веришь, папа?

– Боже мой... – опустил голову дядя Федор. – Какая это все гадость.

– Ну и с кем я была, с кем? – Ирина надеялась, что падчерица не посмеет назвать имя своего любовника, то есть Саши, следовательно, ей нечем крыть.

– А я не рассмотрела, – не обманула ее ожидания Лидочка. Ирина не знала, что у падчерицы есть другой козырь против нее. – Видела только его голый зад и спину. Но под ним видела тебя. Мне этого было достаточно, а уж кто на тебе – неважно.

– Все ложь! – прошипела Ирина.

Наступила пора козыря, который Лидочка и предоставила:

– Ты, папа, можешь узнать у Вани, он был со мной и тоже все видел. А произошло это через неделю, как мы сюда приехали. Спроси, спроси...

У Ирины лицо побелело, но она не растерялась:

– Они сговорились. Твоя дочь и твой сын. Они изводят меня, хотят, чтобы мы с тобой разошлись. Вспомни, как они вели себя весь год.

Желваки отца ходили ходуном на скулах, глаза покраснели от ярости, но он не знал, верить словам дочери или нет. Вернее, не хотел верить в измену. В тот момент Лидочка ясно увидела, прочувствовала, что папа ненавидит ее, свою дочь, за ту правду, которую она открыла. Впрочем, любовь из дома ушла со смертью матери. Ирина рыдала, уткнув лицо в руки, и бормотала:

– Какая дрянь... Я даже не хочу оправдываться, не хочу...

И тут всех удивил дядя Федор. Он подскочил к Ирине и ударил ее, да так сильно, что та, охнув, упала на пол.

Отец тоже удивил Лидочку, которая отпрыгнула к двери. Он ударил дядю Федора кулаком по лицу, но тот устоял на ногах, только из носа у него потекла кровь.

– Убирайся вон! – рявкнул Борис Михайлович... дочери, а не жене. – Чтобы я никогда не видел тебя, никогда! Шлюхам не место в моем доме!

– Подожди, Лида, – сказал дядя, заслонив собой племянницу. – Ты, Боря, подонок. Кого ты прогоняешь? Дочь? Ради какой-то твари?

– Тебя это не касается, с ней я сам разберусь, – огрызнулся отец, его перекосило от обиды. На себя, на жену или на дочь он обиделся? Наверное, на всех. Он был в такой ярости, когда человек не контролирует, что делает и говорит. – И ты убирайся с ней. Завтра же поеду домой и заявлю, что твой друг, которому я дал приют, диверсант. И ты вместе с ним. Ты бездарь. И твои идеи бездарны. Вы оба угробили самолет. Вы вредители. Пора вам баланды попробовать, а не учить меня, каким я должен быть. Теперь я вас буду учить. Жестоко учить, как вы меня.

– Дурак, – сказал дядя, разворачивая Лидочку лицом к двери. – Кстати, я предупреждал: станешь рогоносцем. И ты им стал, потому так сейчас и бесишься.

Едва они вышли и ступили на ступеньки, в кабинете раздался сдавленный, предупредительный шепот мачехи:

– Боря... Боря...

И послышался звук удара. И еще удар. И вскрики, которые давят в себе. Разъяренный голос Бориса Михайловича:

– Кто? С кем ты была? Убью...

– Она лгала... – захлебывалась от рыданий Ирина.

– Сука! – шипел отец, думая, что его не слышат. – Блудливая кошка! Подстилка! Ты у меня на пузе будешь ползать! Выставлю, в чем мать родила, сдохнешь под забором...

– Избивает свою совесть, – констатировал дядя. – Идем, Лидочка. Соберись. Завтра уедем.

– Дядя, он сделает то, что обещал?

– О чем ты?

– Не притворяйся, будто не понимаешь. Он донесет на тебя и Сашу? Вы думаете, я маленькая и глупая? А я знаю, куда пропали наши знакомые. Их расстреляли. По доносам, ведь так? И вас с Сашей... Папа это сделает?

– Видишь ли, девочка... – утирая кровь с лица белоснежным платком, дядя Федор подыскивал слова. Поглядывая в сторону двери, за которой скулила Ирина, он второй рукой увлекал племянницу вниз. – Твой отец заступил за черту и, как следствие, стал сам на себя не похож. Думаю, Аня знала, что делала. Она навсегда повязала его со своей смертью, чтобы он помнил – бесследно ничто не проходит. И теперь ему нежелательно видеть тех, кто может его упрекнуть, напомнить... Он боится...

– Боится за себя? – уточнила Лидочка, желая ясности.

– Он уже всего боится. Тебя тоже. Ты ведь сегодня показала ему, что не ребенок и многое понимаешь. В жизни нельзя сделать подлость и при этом остаться чуточку порядочным человеком, одно исключает другое. Он совести своей боится и душит ее.

– Дядя, неужели он выполнит обещание?

– А сама как думаешь? Твой отец очень изменился, да ты сама это знаешь. – Лидочка опустила ресницы и прильнула к груди дяди, всхлипнула. Он обнял ее за плечи, поцеловал в макушку, в висок. – Ну-ну, девочка... Ты же сильная и смелая. Трудности впереди, выдюжить бы нам всем.

– Дядя, что ты собираешься делать?

– Если бы я знал, Лидуся, что делать...

Ванька отозвал ее в глухой угол сада, где обычно секретничал с сестрой. Разбушевался ветер, гнул верхушки деревьев, слышать, о чем говорят брат с сестрой, никто не мог, но Ваня все равно заговорил шепотом:

– Лид, отец свихнулся. Что говорить, если он меня позовет?

– Не вздумай сказать, кто был с мачехой, – строго заговорила девушка. У нее почему-то не проходило ощущение, что она старше брата. – Ты слышал, что отец и так собрался сделать с Сашей и дядей?

– Он просто пугал, – неуверенно произнес Ваня.

– Это тебе так хочется, – с отчаянием проговорила Лидочка. Брови ее сошлись в одну линию, она словно куда-то в пустоту глядела. – Ты не видел его... Он такой страшный был... на губах пена выступила... почернел...

– Видел. Я ж на дереве сидел. Избил Ирину, потом рвал на ней одежду. В общем, я не стал смотреть, противно. Он противен. А про тебя и Сашу... ты правду сказала?

– Отстань, – огрызнулась Лидочка, но притихла. – Мне так тяжело, Ванька... У нас все как-то не по-людски. И мы уже не такие, как были раньше. И никогда не будем прежними.

– О чем ты? – озадачился Ваня. – Лид, не надо так... Ну, хочешь, я пойду к отцу и скажу ему, что он негодяй? Хочешь, я ему морду набью?

– Перестань. Тоже мне, храбрец...

Лидочка пошла к дому.

Гордость Бориса Михайловича смертельно ранили, этот приезд к морю стал для него пыткой. Он не мог ни сидеть, ни стоять, ни лежать – особенно рядом с изменщицей, из-за которой потерял почти все. Все – значит семью, его оплот в старости. Хотя до нее, до старости, надо еще дожить. Он приобрел рога, ведь и Ваня видел Ирину с мужчиной в голом виде, мальчик подтвердил слова сестры... Борис Михайлович сатанел при мысли, что его жена стала чьей-то подстилкой. Изменявший первой жене не раз, он и мысли не допускал, что ему вздумает изменить Ирина, которую он спас, пригрел, одел, которой дал свою фамилию...

Ирина тоже не спала в эту буйную ночь, потому что муж, возвращаясь после курения (а он не раз выбегал из комнаты на перекур), выдавал порцию нравоучений в виде пощечин, задавая один и тот же вопрос: кто был с ней. Назвать имя Саши, значит – признаться в измене, и тогда страшно представить, что будет. Стиснув зубы, она молчала или отрицала измену.

В три часа Борис Михайлович вышел покурить в очередной раз. Он бродил по саду, и ветер трепал его волосы, вздувал рубашку на спине, обдавал прохладой лицо, что было кстати, ибо разгоряченная голова нуждалась в охлаждении. Папироса то и дело гасла, Борис Михайлович останавливался, после нескольких попыток – огонек спички то и дело гас – прикуривал, потом продолжал бессмысленное хождение. Его все предали, все. Брат, жена, дочь, сын. Ванька, тихий и скромный мальчик, назвал его ослом и негодяем. Кто способен такое пережить? На пороге старости он оказался полным банкротом, жизнь впереди виделась пустой и никчемной, отравленной предательством.

– Неблагодарные! Я вас всех научу уважению... – бормотал он себе под нос. – Вы у меня под забором сдохнете...

Какая-то тень мелькнула за кустами. Борис Михайлович увидел фигуру, испуганно спросил, полагая, что это грабитель:

– Кто здесь?

Грянул выстрел. Звук был громким, но его тут же сильным порывом ветра отнесло далеко. Борис Михайлович упал, схватившись за грудь, не успев понять, откуда взялась боль. Попытки встать заканчивались неудачей, боль становилась сильнее, охватила слабость, наступала темнота. Только запах земли и травы бил в ноздри – это был запах жизни, вечной жизни. И вдруг в его голове отчетливо пронеслась мысль: он умирает. И он выкрикнул:

– Помогите!

Ему казалось, будто он перекричал ветер, но на самом деле Борису Михайловичу всего-то и удалось, что пошевелить губами.

– Чего это тут? – долетел до него голос няньки.

– Помогите... – еще раз пошевелил занемевшими губами Борис Михайлович, прижимая к ране на груди ладонь, словно хотел не дать жизни вылететь через дыру в его теле.

Нянька в длинной ночной сорочке, в накинутой на плечи шерстяной шали походила по двору, послушала ветер, но так и не поняла, что это был за громкий и резкий звук. Зевая, она ушла в дом.

Два милиционера из уголовного розыска прибыли на машине с Федором Михайловичем, который и вызвал их. Один лет пятидесяти, седой, с пышными усами, слегка располневший, явно крестьянского происхождения. Второй лет тридцати, худой и высокий, с приятным, но изможденным лицом, с провалившимися щеками. Они осмотрели тело убитого, потом сад и двор, пришли на террасу, где собрались и сидели в напряженном молчании обитатели дома. Не было только Ирины – распухшее после побоев лицо и, как следствие, стыд заставили ее сидеть в комнате. Молодой милиционер сел за стол, раскрыл планшет, достал лист бумаги и карандаш, приготовился писать.

– Я гляжу, вы тут на отшибе живете... – вытирая платком околыш милицейской фуражки, проговорил седой, пока молодой коллега готовился к составлению протокола.

– Да, поблизости никого нет, – сказал Федор Михайлович.

– Кто обнаружил труп?

– Я, – вскочила с места перепуганная кухарка.

– Как обнаружили? Расскажите подробно.

– Ну, это... – разволновалась женщина, – пошла луку зеленого нарвать... рву, значит, рву... и тут голову подняла... а там человек лежит. Думаю, кто ж такой? И к нему тихонечко подхожу... Вижу, Борис Михайлович...

Физиономия кухарки сморщилась, раздался рев.

– Позвольте мне сказать, – подал голос хмурый Федор Михайлович. – Она испугалась и стала кричать, я как раз умывался, побежал на крик. Ну а потом... увидел брата.

– Ваш брат убит, – на этот раз заговорил молодой милиционер, глядя на всех исподлобья. – Кто-нибудь слышал выстрел?

Промолчали все, кроме няньки:

– Я слышала. Не спится мне, вот и услышала. Вышла поглядеть, чего тут грохнуло, а никого не было. Ну, я и пошла к себе.

– В котором часу это было? – спросил седой.

– Дык четверть четвертого. Я, когда вернулась, на часы поглядела.

Молодой милиционер поставил на стол гильзу:

– Вот гильза. Мы ее нашли недалеко от тела.

– Гильза? – встрепенулся Федор Михайлович. – Вы нашли гильзу?

– Как видите. – Молодой милиционер уложил локти на стол, повел головой, останавливая взгляд на каждом по очереди, неторопливо продолжил: – Преступник стрелял с близкого расстояния, о чем говорит найденная нами гильза, а лежала она примерно в шести шагах от убитого. Верно, Давид Панкратович? Папираса, зажатая между пальцами, свидетельствует, что Борис Михайлович вышел покурить...

– Так это... – робко перебила его кухарка, – как только все улеглись, Борис Михайлович начал ходить курить. Много раз выходил. Я поздно ложусь, покуда посуду переваю, покуда картошку почищу на завтра... Он то и дело курить выходил.

– Вот именно, – кивнул милиционер, после чего перевел глаза на седого. – Следовательно, преступник знал, что Борис Михайлович выйдет из дома, ждал его. По гильзе можно определить, что стреляли из револьвера. В доме есть оружие?

– Есть, – сказал Федор Михайлович.

– Где оно хранится?

– В кабинете. В столе брата.

– Пройдемте в кабинет. – И бросил остальным: – Вы свободны пока.

Федор Михайлович ушел с ним в кабинет, остальные понуро разбрелись. А кухарку задержал Давид Панкратович:

– погоди, милая. Иди-ка сюда.

Кухарка приблизилась. На лице страх, будто это она застрелила ночью хозяина. Седой милиционер улыбнулся женщине:

– Пойдем, покажешь, где тут у тебя лук растет.

– Ни-ни-ни! – попятилась та. – Там Борис Михайлович лежат. Я туда больше ни ногой...

– Да это я так сказал, – посмеивался Давид Панкратович, пощипывая ус. Больно хороша кухарочка, гладенькая, круглолицая, румяная. – Поговорить хочу.

– Ну, так то... говорите.

Отошли от дома, и Давид Панкратович начал интересоваться как ей показалось, пустяками:

– А что, у Бориса Михайловича много в городе знакомых?

– Вовсе нет. Мы тут в одичании живем. Каждый год живем, все лето. Борис Михайлович с Федором Михайловичем работать любят на даче. Все чертежи рисовали, считали чего-то.

– Так вы и в гости ни к кому не ходите?

– Ни мы в гости, ни к себе не зовем. Да оно ж и лучше. А то дома как назовут гостей, готовь на них, потом убирайся до полночи. А здесь... Ну, сапожник знакомый есть, обувку мы у него чиним. Старый армянин Вартанян. Еще портной, костюмы шьет, его зовут Бенедикт Иосифович. Знаете таких?

– Знаю. Хорошие люди. А скажи, милая, ладно у хозяев тут?

– Да чего ж оно ладно-то будет! – всплеснула она руками и доверительно рассказала: – У всякого норы, всякий недовольство свое показать любит. Ссорятся, ссорятся...

– Чего ж людям не живется? – удивился Давид Панкратович. – Вроде образованные, интеллигентные.

– Хм! – Она огляделась по сторонам. – Хозяин мой сильно женщин любил, а в прошлом году спутался с Ирккой. При живой-то жене! Скажу вам по секрету, лярва она, Ирка, настоящая лярва. Хуже некуда.

– А жена где?

– Так нету. Через эту лярву и отравилась. За Ирккой-то Федор Михайлович увивался, а она круть-верть хвостом, мол, не пара мы, сама же с хозяином в половую связь вступила. Анна Ивановна, жена хозяина, хорошая была женщина, скромная, тихая, слова грубого не скажет. Узнала про все, ей Федор Михайлович доложил, взяла и отравилась, бедная. Вот так-то.

– Ну и?

– А Борис Михайлович взял и на лярве женился, а прошло-то всего три месяца. Нехорошо сделал, вот хоть убейте меня, а нехорошо! С тех пор в доме все кувырком. Мачеха – она и есть мачеха, от нее ни тепла, ни жалости. Особенно Лидочку невзлюбила, а к Оленьке так ни разу и не подойдет за всю неделю. К тому ж лентяйка она, все валяется да книжки читает. А вчера сильно у них большой скандал получился.

– У кого?

– Да у всех. Собирались в кабинете, кричали, потом Федор Михайлович вниз спустился, и на нем лица не было. Лидочка грустила, ее отец вызывал, после этого и она загрузилась. Думаю, все из-за лярвы, нажаловалась на Лидочку. Я слышала, как Ирка хныкала в ихней комнате. И показалось мне, Борис Михайлович руку к ней приложил.

– Бил, что ли? – уточнил Давид Панкратович.

– Ну да. Показалось мне так. Слышала, можно сказать. А потом ночью-то Борис Михайлович как выйдет курить, так все про рога бубнит. Можно я пойду, а? А то у меня сотрясение по рукам и ногам. И по нервам тожеть.

– Ну, ладно, иди.

Кухарочка побрела в дом, хлюпая носом, а на террасе появились озадаченный Федор Михайлович с милиционером. Седой поспешил к ним.

– Кто знал, где лежит револьвер? – поинтересовался молодой.

– Все, кроме Александра, – пожал плечами Федор Михайлович. – Он гостит у нас, вряд ли ему показывали...

– Стало быть, остальные знали, в каком месте хозяин хранил револьвер?

– Ну, конечно, – излишне нервозно ответил Федор Михайлович. – Послушайте, если вы думаете, будто кто-то из домашних взял револьвер и... Это невозможно! Да и вряд ли он стреляет, наверняка проржавел, больше для уверенности его держали.

– Куда же тогда делся револьвер?

– Откуда мне знать... – развел руками Федор Михайлович. – Боря хранил его как память об отце. Может, сам же его и перепрятал, а?

– А чем занимается ваш гость? – любопытствовал Давид Панкратович.

– Летчик. Герой. Воевал в Испании. Мы с братом конструируем новые машины, Александр их испытывает.

Возле дома остановилась машина, в нее погрузили тело погибшего, но сотрудники уголовного розыска не торопились уезжать. Пока молодой милиционер опрашивал домашних, Давид Панкратович пошел в комнату Ирины. Она лежала на кровати, свернувшись калачиком. Когда он вошел, села, запахивая на груди атласный халатик.

– Прошу простить, – сказал милиционер, – но мне необходимо поговорить с вами.

– Да, пожалуйста.

– Ночью вы спали?

Она не сразу ответила. К милиции Ирина вообще относилась крайне настороженно, мало того – ее пугал вошедший человек. Мельком пронеслась мысль: он не представился. Хотя какая разница, как его зовут? У этих людей не должно быть имен, они все из одного материала, на одно лицо.

– В общем-то... н-нет, – промямлила Ирина. – Муж все время выходил, я просыпалась.

– Почему же ему не спалось?

– Семейные неурядицы, – отговорила Ирина.

– Семейные неурядицы разные бывают, крупные и мелкие. Что конкретно произошло?

– Поверьте, это дело семейное, отношения к смерти моего мужа не имеет.

– К убийству, гражданка, а не к смерти, – поправил ее Давид Панкратович, прохаживаясь по комнате и рассматривая обстановку. – Вашего мужа застрелили. Как думаете, кто именно?

– Я не присутствовала при этом и потому указать на убийцу не могу, – передернула плечами Ирина.

– Но вы не спали, так? Выстрел слышали?

– Я успела заснуть... но выстрел, то есть громкий звук, слышала. Не поняла, что это было, вот и не обратила внимания.

– Что у вас с лицом?

– Да так... с лестницы упала.

– Вернемся к неурядицам.

– Оставьте меня в покое! – вспыхнула Ирина.

Она плохо владела собой, а у милиционера выдержка была отличная. Взяв с комода статуэтку танцовщицы, он вертел ее в руках, рассматривая и якобы не придавая значения ни тому, что Ирина находится во взвинченном состоянии, ни своим словам:

– Разве вы не хотите, чтобы мы нашли убийцу вашего мужа?

– Господи! – воздела она очи к потолку. – Конечно, хочу! Но не буду и не хочу говорить о вчерашнем скандале.

– А придется. – Давид Панкратович поставил статуэтку на место, облокотился о комод. – Всем придется давать показания. И если я замечу неправду... этот человек пожалеет.

Ирина глянула в его маленькие, неопределенного цвета глаза и поняла: такой человек не бросает слов на ветер. Вздохнула и сообщила коротко:

– Я узнала, что Лида спит с Сашей, а ей всего пятнадцать лет. Вы понимаете? Я сказала мужу, на этой почве возник скандал. Вот и все.

– Все ли? – не поверил милиционер. – Кто с кем ругался?

– Лидия дерзила отцу, оболгала меня, ее защищал Федор, у него и Бори возникла незначительная драка.

– Даже так? – приподнял брови Давид Панкратович.

– Но поймите, это все житейские неурядицы. Подобное случается почти в каждой семье и скрывается от посторонних.

– И что было дальше?

– Дальше? Ничего. Борис был вне себя, сказал, чтобы дочь убиралась вон, угрожал Федору и Александру...

– Александр присутствовал при этом?

– Нет. Потом муж вызвал сына, тот нахамил отцу, получил пощечину. И все.

– Угрожал... – задумчиво повторил Давид Панкратович. – Какие именно угрозы он произносил?

– Я не помню, – мяла ухоженные пальцы Ирина. – Не вслушивалась. Он был в бешенстве, не контролировал себя. Господи, да угрозы мужа ничего не стоят, смешно на них обращать внимание! Он часто в гневе грозился, потому что вообще несдержан. Остыл бы через день, как обычно.

Она взглянула на седого человека украдкой и тут же потупилась. Он будто бы и не вслушивался в то, что она лепетала, производил впечатление простецкого мужика, который по воле случая попал в уголовный розыск. Но Давид Панкратович по своему опыту хорошо

знал, что могут значить угрозы, чтобы данный факт пропустить мимо ушей, и продолжил расспросы:

– Вы сказали, вас оболгала Лида. Что за ложь была?

– О, боже мой! – закрыла лицо ладонями Ирина. – Это невыносимо! Она сказала, будто я изменяю Борису. Сказала от досады, потому что невзлюбила меня. А муж ревнив. Прошу вас, оставьте меня в покое, больше мне нечего вам рассказать.

Давид Панкратович вернулся на террасу. Слушая показания, которые давали члены семьи, он внимательно следил за каждым, после чего строго сказал:

– Попрошу всех не выезжать отсюда.

– Мне на работу надо... – заерзал Федор Михайлович.

– Подождет ваша работа, – отрубил молодой милиционер.

– Поймите, я не могу остаться.

– Мы сообщим на вашу работу, что пока идет следствие, вы не можете покинуть место происшествия.

Оба сотрудника уголовного розыска направились к машине. Лидочка, прячась за деревьями, подкралась к забору – привычка подслушивать оказалась сильнее страха быть замеченной. Но ей удалось услышать только последние фразы:

– Это наверняка кто-то из членов семейства сделал, – сказал Давид Панкратович, открывая дверцу машины. – Тут у них вчера разгорелся скандал, результатом стал выстрел в хозяина. Да и до вчерашнего вечера не гладко текла их жизнь, следовательно, мотив есть почти у всех.

– Похоже на то, Давид Панкратович, – согласился молодой милиционер. – Я уверен, что стреляли из пропавшего револьвера.

Машина уехала. Лидочка вернулась на террасу, опустилась на стул и замерла, обдумывая услышанное. Припелся Ваня, выпил квасу, которым кухарка угощала милиционеров, утерся ладонью.

– Ванька, – придвинулась к нему Лидочка, – револьвер у тебя?

– Я положил его на место.

– Точно? Скажи мне правду. Клянусь, буду молчать.

– А я что, вру? Зачем мне?

– Я подслушала, милиционеры думают, будто отца убил кто-то из нас.

– Чего?! – отшатнулся Ваня, глядя на нее с ужасом. – Из нас?!

– Да. И сказали: почти у всех есть мотив. Помнишь, что рассказывал дядя Игнат у нас дома? Мотив – это причина убийства.

– Я знаю, что такое мотив. А почему они решили, что у нас есть мотив?

– Во-первых, вчерашняя ссора.

– Да мало ли кто ссорится! – возмутился Ваня. – Из-за ссор не убивают.

– Что слышала, то и передаю тебе, – огрызнулась Лидочка. – Во-вторых, револьвер в кабинете не нашли, значит, его взял кто-то из своих.

– Так ты подумала... это я... я, да? Клянусь, положил его в ящик!

– Я тебе верю. Получается, ты не убивал, я не убивала... Кто остается?

Ваня задумался, но вскоре начал высказывать свои мысли вслух:

– Кухарка и няня не в счет... Им-то зачем? Выходит, или Ирина, или дядя Федор, или Саша?

Лидочка не ответила, она опустила голову, теребя носовой платок.

Атмосфера на даче была хуже некуда. Все друг от друга прятались, почти не общались. Бориса Михайловича похоронили на местном кладбище. Гроб везли на телеге, за ним шли только обитатели дачи, сапожник-армянин и старый портной, шивший костюмы братьям.

Два милиционера тоже зачем-то пришли, но от поминок отказались. Через пару дней вечером оба пожаловали на машине, вошли во двор, где на качелях раскачивалась девочка.

– Тебя как звать? – подошел к ней Давид Панкратович.

– Оленька, – ответила та.

– Сбегай-ка, Оленька, позови всех сюда.

Вприпрыжку девочка побежала в дом, а милиционеры поднялись на террасу, расселись за столом. Вечер был ласковый. Так бывает всегда, когда наступает умеренность в природе – безветренно, не жарко, тихо. Подтягивались обитатели дачи, садились на стулья – настоянные и непокойные.

– Давайте-ка чуток разберемся, – заговорил Давид Панкратович, поглаживая усы. – Борис Михайлович был убит в три часа ночи. Ну, может, в пять-десять минут четвертого. Кроме няни, никто не слышал выстрела, а ведь револьвер громко стреляет.

– Я говорила, что слышала какой-то громкий звук, но не придала значения, – тихо поправила его Ирина.

– Мне кажется, выстрел слышали многие, – хмуро произнес молодой милиционер, – а признаться не хотят.

– Какое это имеет значение? – спросил Федор Михайлович. – Ну, допустим, я тоже слышал и, как Ирина, не придал значения. Кому здесь стрелять?

– Значит, вы тоже не спали? – подхватил Давид Панкратович.

– Проснулся как раз от звука выстрела, – внес уточнение Федор Михайлович. – Подумал, померещилось.

– Кто еще не спал? – обвел глазами остальных Давид Панкратович. Ему ответили дружным молчанием. – И вы не слышали, Александр?..

– Можно без отчества, – перебил его Саша. – Я привык к выстрелам, сплю под них крепко.

– Ну, хорошо. – Давид Панкратович скрестил руки на груди. – Мы все же надеялись, кто-нибудь из вас видел убийцу, да по каким-то причинам покрывает его. Тогда будем разбираться. Итак, накануне произошла ссора. Вы, – повернулся он к Ирине, – сказали мужу, что его дочь спит с мужчиной прямо в этом доме.

– Да, – потупилась Ирина, затем обвела вороватыми глазами домочадцев. – Лида сначала отрицала, когда же отец решил свозить ее к врачу, созналась во всем.

– Свят, свят... – перекрестилась нянька. – Лидка, правда, что ли? Ай, бесстыдница!

– А вы, – обратился седой милиционер к Федору Михайловичу, – поссорились с братом так, что возникла драка. Это правда?

Тот кинул на Ирину укоризненный взгляд и внес поправку:

– Сначала я ударил Ирину. После чего брат ударил меня. Вот и вся драка.

– А за что вы ударили ее?

– Она разрушила семью, из-за нее жена Бори умерла, а теперь... уж извини, Ира... теперь она изменила ему. Лидочка и Ваня случайно увидели ее в лесу с мужчиной. А я предупреждал Борю...

– Кстати, вы ухаживали за Ириной, – показал свою осведомленность Давид Панкратович.

– Не скрою, мне она нравилась. Но как только я узнал, что у нее с братом грязная связь, пробовал поговорить с ней. В ответ нарвался на хамство, тут-то у меня и открылись глаза.

– Стало быть, у вас были неприязненные отношения с новой женой брата, – констатировал Давид Панкратович. – А с братом?

– Терпимые. До того ужасного вечера.

– Ага, терпимые, а не хорошие, – подловил его молодой милиционер. – Кажется, ваш брат угрожал вам. Чем именно?

– От злости чего не наговоришь, – отмахнулся Федор Михайлович. – Мысль, что он рогоносец, его просто подкосила. Но это не значит, что он осуществил бы угрозы.

– А у вас чем закончилась ссора с мужем? – Милиционер остановил проницательный взгляд на Ирине.

– Да ничем особенным... – смутилась она.

– Неправда, – встряла Лидочка. – Папа ее побил. Мы с дядей слышали, как он ругался, грозился выставить ее голой на улицу и бил.

– И тебя, маленькую шлюшку, он из дома выгнал, – процедила Ирина.

– Значит, вы солгали мне, – уличил ее Давид Панкратович. – Вы не упали с лестницы, а вас избил муж.

– Ну и что? – вскипела Ирина. – Полагаете, о таких вещах приятно говорить посторонним людям?

– Мы расследуем убийство, – оборвал ее сыщик. – А вы солгали. И у вас был мотив убить мужа.

– Что?! – подхватила Ирина. – Да как вы смеете?! Если хотите знать, то у Федора был мотив более существенный. И у Александра. Муж говорил, что обоих засадит за диверсию.

– За какую диверсию? – заинтересовался молодой милиционер.

– Вы не знаете, что такое диверсия? – язвительно произнесла молодая вдова. – У них по непонятным причинам разбился самолет. Винили Александра, который выпрыгнул из самолета, поэтому он уехал сюда, к нам на дачу, спрятался, пока не разберутся. А муж и Федор искали причины аварии, чтобы спасти Сашу.

– И между прочим, Ирина, – спокойно заговорил Федор Михайлович, хотя желваки на его скулах ходуном ходили, – причину мы нашли. Это была недоработка твоего мужа, который стал слишком заносчив и не слушал коллег. Поэтому он так нервничал. Твой поступок явился последней каплей, вот у него и сдали нервы.

– Ну и что? – вспыхнула Ирина. – Нервы у него сдали, а не у меня. Да он постоянно в тот вечер повторял, что уничтожит вас обоих!

– А ведь у вас, Федор Михайлович, мотив действительно более существенный, чем у вдовы, – сказал молодой милиционер. – Как я понял, на работе у Бориса Михайловича не ладилось, причина была в нем. Чтобы обезопасить себя, он мог вину свалить на вас и на вас, Александр. Кстати, вы ведь воевали, с оружием умеете обращаться.

– Разумеется, умею, – нахмурился Саша.

– Бросьте эти ваши намеки! – взвился Федор Михайлович. – Саша не знал, где лежит револьвер.

– Но вы знали, – парировал молодой милиционер. – Взяли оружие и дали ему. Его и ваше положение стало весьма опасным. А еще вашему другу грозило дополнительное наказание за соращение несовершеннолетней.

– Нет! – вскочила с места Лидочка. – Саша не убивал папу! И не совращал меня! Я сама с ним... сама...

– Ай, стыд-то какой, – запричитала нянька. – Ай, срамница...

– Девушка, остыньте! – прикрикнул на Лидочку молодой следователь. – Мотив – вещь упрямая. А алиби у мужчин нет.

– Ну и что? Ведь с таким же успехом можно и меня обвинить в убийстве папы, и Ваньку, и даже няньку...

– Свят, свят, свят, – закрестилась та.

– В ту ночь я была у Саши, мы спали с ним вместе! – выпалила раскрасневшаяся Лидочка. – И дядя не убивал. Не убивал, слышите? А она... – Лидочка повернула свирепое лицо к мачехе, – она могла убить. Я видела, как она выходила из комнаты.

– Что ты мелешь! – закричала Ирина. – Она лжет!

– Конечно, лгу так же, как и про то, что видела тебя с женщиной в лесу, – парировала Лидочка. – Она изменяла папе, слышите? Он не мог этого стерпеть, потому что слишком много для нее сделал. Когда родителей Ирины арестовали, папа принял ее в свой дом, а она...

– Стоп, – поднял руку Давид Панкратович, затем обратился к Ирине. – Вы из комнаты выходили ночью?

– Ну, выходила, – призналась та, опасаясь, что ее еще кто-нибудь видел. – В туалет. Нельзя, что ли? Но выходила в два часа ночи. В два, а не в три!

– Заврались вы, гражданка, – покачал головой Давид Панкратович. – Приступим к обыску, авось найдем что-либо, какие-нибудь улики.

Пригласили из машины еще двоих милиционеров. Обыскивали весь дом – комнаты Саши, Федора Михайловича, Лидочки, Вани. Обыск длился так долго, что у всех наступило оцепенение, к тому же процесс был унижительным. Лидочка жалась к Ване, а тот почему-то дрожал. В комнате Ирины и Бориса Михайловича в чехле матраса обнаружили револьвер. Его аккуратно взял молодой милиционер, показал всем, спросил:

– Этот револьвер лежал в кабинете Бориса Михайловича?

Федор Михайлович подошел ближе, рассмотрел оружие, закивал:

– Да, этот. На нем гравировка на рукоятке.

– Как к вам попал револьвер, гражданка? – спросил он у Ирины.

Та вытаращила глаза, едва вымолвила:

– Я... я... не... знаю... Я его не брала! Клянусь, не брала!

– Гражданка, вы арестованы, – сурово произнес молодой милиционер.

Ирина поднялась со стула, пошатнулась, но ее предупредил Давид Панкратович:

– Только без фокусов, гражданка, не поможет. Пройдемте с нами.

Ирину увезли. Нянька все никак не могла успокоиться, да и кухарка время от времени повторяла:

– Вот тебе и образованные. Ай-яй-яй...

Лидочка прибежала к Саше, улеглась рядом, прижалась, как котенок.

– Зачем ты солгала, что была у меня в ту ночь?

– Как зачем? – приподнялась она на локте. – Тебя могли забрать вместе с дядей.

– А вдруг это я сделал? Не боишься?

– Застрелил отца? – насторожилась она, но тут же улыбнулась и вновь прильнула к нему. – Ой, перестань. Револьвер нашли у Ирины.

– М-да, правда, – вздохнул он. Потом обнял Лидочку...

3

Алексис Крамсу замолчал, погрузился в себя. Очевидно, его не отпускали события прошлого, по непонятным причинам волновавшие этого старого человека до сих пор. Зоя долго не решалась вернуть его в настоящее. Но сколько же можно... Эльзаман жестами спросил ее, заканчивать ли съемку. Она отрицательно мотнула головой, обвела глазами комнату, мол, снимай интерьер, затем мягко обратилась к Крамсу:

– А что было дальше?

– Дальше? – очнулся наконец тот. – На следующий день мы узнали, что началась война.

– Вы так хорошо рассказывали... будто были свидетелем событий.

– Так и есть. Тот летчик Саша... Им был я.

– О! – округлила глаза Зоя, слегка откинувшись назад. Теперь она по-другому смотрела на Крамсу – немного изумленно, немного с жалостью.

– Нелестное вы обо мне составили мнение, – усмехнулся он.

– Почему же... – стушевалась Зоя.

– Не смущайтесь, для журналиста это недостаток. Честно признаюсь, я сам о себе нелестного мнения. Но... Видите ли, Зоя, я был молодым мужчиной, жизнь тогда, мне казалось, закончилась, вот и отрывался напоследок, тем более что Ирина сама вешалась на меня. А Лидочка... Она была необыкновенная, взрослая не по годам и весьма горячая, мне с ней было хорошо, я немного влюбился... Разумеется, мы все вернулись по домам. Федор готовился спасти меня, но этого не понадобилось. Нужны были солдаты, и я в первых рядах ушел на фронт. Был два раза сбит, но, как видите, жив до сих пор, мне повезло. Лидочке я какое-то время писал, потом связь оборвалась. После войны я не вернулся в Советский Союз. Жить под вечным страхом, что тебе припомнят какую-нибудь шалость и посадят, а то и расстреляют... Ну уж нет! Уехал в Америку, там познакомился со своей женой-финкой. Взял ее фамилию, но частично оставил имя – Алексис. Так многие поступали.

– Ваш рассказ был больше о Лидочке, а не о мачехе, – заметила Зоя.

Крамсу потянулся за чашкой, но чай давно остыл, он поставил ее на место и возразил:

– Вы не правы. Ваш заказчик неплохо осведомлен, он точно определил тему: мачеха. Если бы вы попросили меня рассказать об этой семье, я ограничился бы скудным рассказом. Но мачеха... В этом слове изначально заложен конфликт, хотя далеко не все мачехи классические злодейки. Ирина злодейкой в общепринятом смысле тоже не была, просто она жила для себя, но конфликт возник из-за нее. А раскрыл я его вам через Лидочку, ее драму, если хотите – трагедию. Ирина и отец Лидочки были люди по сути своей одинаковые – каждый из них урывал от жизни потихоньку, а в результате они всех сделали несчастными. И себя в том числе, ведь ничто не проходит бесследно.

Крамсу вновь глубоко задумался, опечалившись.

– Скажите, вас что-то тяготит в связи с теми событиями? – спросила Зоя.

– Вы чуткая девушка, – улыбнулся Крамсу. – Да, тяготит. До сих пор мне не верится, что Ирина убила мужа. Но в те времена долго не разбирались, достаточно было одной улики, и человеку была обеспечена смертная казнь, в лучшем и редком случае – долгие годы в лагерях. Впрочем, уголовников щадили.

Зоя опешила: хорошенькое признание! Значит, Крамсу не поверил, что мужа убила Ирина, но ни слова в ее защиту не сказал, не попытался помочь ей. Боялся. А спать с ней не боялся. Потрясающе!

– Кто же тогда убил? – спросила Зоя.

– Хм... – Рассказчик развел руками, очередная, но недолгая пауза повисла в комнате. Вскоре она растворилась в тихих словах Крамсу, будто о чем-то сожалевшего: – Не могу с

уверенностью ответить. Тогда я был в состоянии стресса, как сейчас говорят, потом мне было некогда думать об этом. А когда задумался... Мне кажется, Бориса убил брат. Если бы вы знали, как тот поломал ему жизнь! Но Федор был человеком мягким, бесхребетным, многое прощал. Представьте, большую часть идей подавал тогда Федор, а лавры пожинал Борис. Нет, он тоже работал, но славу не любил делить с братом. Ну а когда надо было признаться: ошибка моя, а не кого другого, – насмерть испугался за свою жизнь. Арест, расстрел – тогда этот дамоклов меч висел над каждой головой. Тут еще жена добила, дочь, я... В общем, думаю, Борис осуществил бы свою угрозу, чтобы спастись самому. А Федор не испугался, он добивался справедливости в отношении меня.

– Неужели Федор Михайлович?

– Почему нет? Возможно, чаша терпения переполнилась и... В общем, на мой взгляд, этот детектив без точки.

М-да, тяжелый случай... Зоя задумалась. Но может, домыслы собеседника беспочвенны? В конце концов, действительно, ведь револьвер нашли у Ирины.

– Скажите, вы кому-нибудь рассказывали эту историю? – осведомилась Зоя. – Видите ли, я почему-то уверена, что наш заказчик неплохо ее знает. Откуда? Может, он с вами встречался?

– Вряд ли, – отрицательно мотнул головой Крамсу. – А рассказывать рассказывал. Но очень давно. В Америке у меня был друг, все же прожил я там без малого десять лет. Мы до сих пор с ним переписываемся, изредка видимся. А больше никому. Не желаете ли еще чаю?

На улице морозно и темно. Эльзаман подгонял Зою, а она не особенно торопилась попасть в отель, плелась, улетев куда-то мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.